ОГОНЁК

№ 22 МАЙ 1960
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Фото О. Кнорринга.

ЭТО НЕ ДОЛЖНО ПОВТОРИТЬСЯ!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 22 (1719)

29 МАЯ 1960

38-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Н. С. Хрущев беседует с парижскими школьницами на улице Гренель.

ПАРИЖ БЕРЛИН МОСКВА

НИКОЛАЙ ДРАЧИНСКИЙ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора и журнала «Фрайе Вельт»

Рано утром над Парижем пролетел советский космический корабль. Тысячи глаз смотрели на небо в надежде увидеть чудо советской техники, блестящую победу творческого гения наших ученых. Там, в вышине, чертила свой победный полет чудесная звезда, сотворенная руками наших людей и видимая на небосклоне Парижа невооруженным глазом.

И хотя в это время в столице Франции должно было произойти событие, приковавшее к себе пристальное внимание всего мира — встреча глав правительств четырех великих держав,— сообщения о новом замечательном достижении советского народа в исследовании космоса не сходили со страниц газет. Об этом говорили в метро, на бульварах, в кафе и дома. И, глядя в весеннее парижское небо, люди невольно сопоставляли два полета: советского космического корабля и бандитского самолета, засланного в мирную страну провокаторами из-за океана.

На окраине Парижа, в районе Порт д'Итали, рабочие прокладывали кабель. Улица реконструируется, расширяется. Вместе с журналистом из ГДР мы получили здесь от седоусого рабочего в берете и комбинезоне самое краткое за всю нашу профессиональную деятельность интервью, но зато и самое выразительное.

Он на минуту оторвался от работы, снисходительно посмотрел на двух неизвестных ему иностранцев и ответил на наш вопрос так:

— Когабль — браво! «Локхид» — тьфу!

Он сплюнул, прикрикнул без видимой причины на помощника и снова принялся за работу, давая понять, что разговор окончен.

Майские дни в Париже в истории международных отношений оставят глубокий след. Здесь сорваны маски с тех, кто, прикрываясь елейными речами и молитвами о мире, на деле провозгласил агрессию и военные провокации своей государственной политикой.

Утром 16 мая, когда главы правительств собирались в Елисейском дворце на предварительную встречу, следом за Гертером два секретаря, согбенные под тяжестью ноши, тащили огромные, толстопузые портфели, затянутые ремнями.

— Несут американские планы «открытого неба»,— шутили корреспонденты, глядя на эту сцену с галереи дворца.

А что они увезли назад, за океан? Полный провал своей политики провокаций и шпионажа, разоблачили себя перед всем миром как враги разрядки международной напряженности и дружбы между народами, вызвав возмущение многих людей даже в своей собственной стране.

Помимо истории со шпионским самолетом «У-2», сегодняшние правители США еще раз красноречиво показали, какими методами они ведут переговоры. После предварительной встречи в Елисейском дворце министр обороны США Гейтс отдал секретный приказ о боевой тревоге на всех военных базах американцев. Газеты были полны сообщений о дикой панике, которая поднялась в некоторых городах. Американские полковники и генералы лихорадочно грузили свои пожитки в автомобили и отправляли семьи невесть куда. По законам цепной реакции паника перекинулась на все население.

Размахивая в Париже картонным мечом «с позиции силы», они пытались запугать Советский Союз, но перепугали лишь себя, а еще больше — своих союзников по агрессивным блокам.

Когда на следующий день в пресс-центре во дворце Шайо я встретил знакомого аме-

Во Франции.

В доме министерств ГДР.

Дома.

1

2

7

риканского корреспондента, он показал на газету с сообщением об этой неуклюжей и беспардонной выходке заокеанской военщины и сказал по адресу своего министра обороны такие слова, которые у нас не принято воспроизводить в печати.

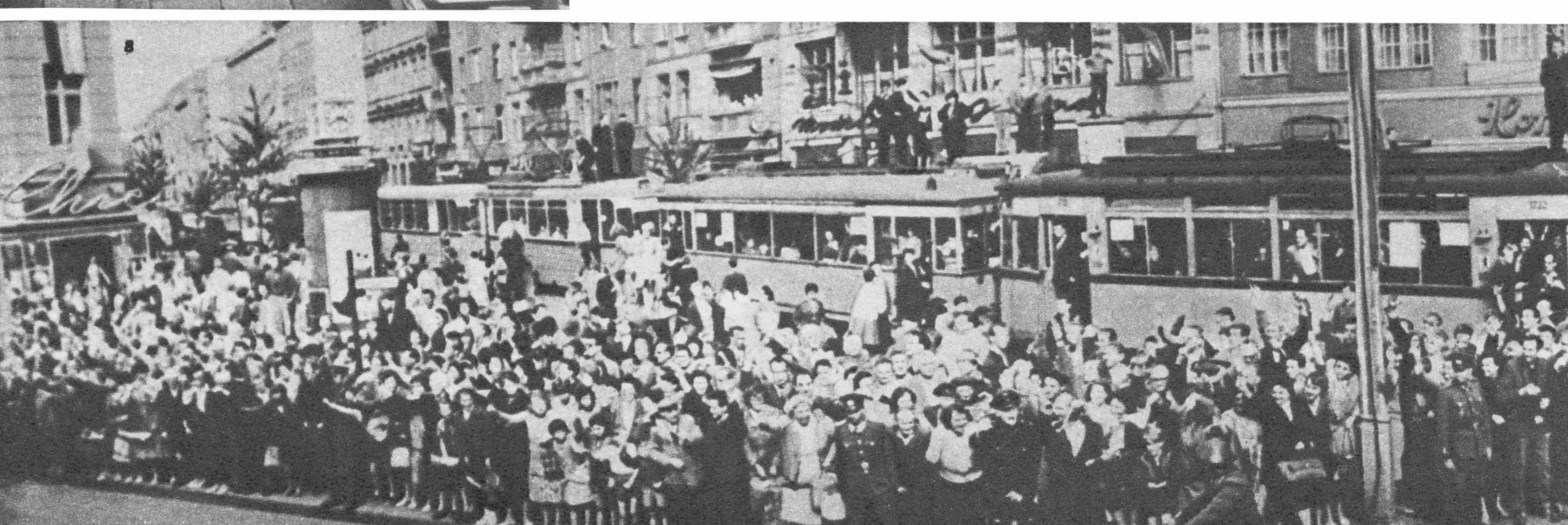
Журналисты всех стран отмечали, что в то время как среди западных дипломатов господствовали нервозность, растерянность, суета секретных заседаний, в советской делегации царили спокойствие и уверенность — уверенность людей, чья позиция ясна, правдива и открыта.

Все уже знали, что по утрам Н. С. Хрущев любит совершать прогулки пешком, беседовать с жителями. Поэтому еще до рассвета корреспонденты занимали наиболее выгодные позиции на узкой улице Гренель, где помещается советское посольство в Париже. Они тут дежурили до глубокой ночи, здесь подкреплялись, некоторые даже спали. Автомобили с передатчиками радиокомпаний дежурили в соседних переулках.

На улице Никита Сергеевич беседовал с детьми, торопящимися в школу, с прохожими, заглянул в магазин. Но когда он вышел из ворот посольства на следующее утро, то уже не мог двинуться с места. Огромная толпа кино- и фоторепортеров, радиокомментаторов с микрофонами, журналистов сплошь запрудила улицу. Никита Сергеевич охотно беседовал с представителями печати, ясно и просто отвечал на все вопросы. А когда время прогулки истекло, он пообещал журналистам, что не уедет из Парижа, пока не побеседует с ними еще раз.

Эта беседа состоялась во дворце Шайо 18 мая перед отъездом Н. С. Хрущева из Парижа. В истории печати, очевидно, еще не было пресс-конференции, которая собрала бы такое количество журналистов. Задолго до начала встречи все места в огромном зале, из окон которого видна Эйфелева башня, были заняты. В центре зала группа каких-то людей, обложив белыми листками стулья, пускала туда только «своих». Здесь господствовала немецкая речь.

Товарищи, сопровождавшие Н. С. Хрущева в поездке по США, указали на одного «ста-

8

3

4

5

6

рого знакомого» среди этих людей—эмигранта-венгра, участника кровавых злодеяний во время фашистского мятежа. Там, в Штатах, он в унылом одиночестве носил антисоветский плакат и кочевал на чужие деньги из города в город за Председателем Совета Министров СССР. Плохи дела у организаторов провокаций, если приходится такое отребье экспортировать из-за океана!

Журналисты были благодарны Н. С. Хрущеву за ту встречу и приветствовали его дружными аплодисментами. Но вдруг эта кучка бывших гитлеровцев заорала, «заукала», усердно отрабатывая деньги, полученные из Бонна. Никита Сергеевич дал этому фашистскому отребью сокрушительную отповедь, а журналисты, пришедшие сюда работать, а не устраивать провокации, так дружно на них цыкнули, что у этой ничтожной банды быстро пропала охота хулиганить.

Отсюда, из дворца Шайо, десятки телефонов и телеграфных проводов, радиостанций разнесли по всему миру уверенные слова главы Советского правительства. Он говорил о позиции Советского правительства, о предложении отложить встречу на 6—8 месяцев, когда сложится более благоприятная обстановка.

«Этот час может наступить и быстрее, но только в том случае, если всеми будет понято, что никакими провокационными действиями никому не удастся запугать Советский Союз, запугать социалистические страны. Согнуть нас невозможно! С нами можно и нужно говорить и договариваться только на равных началах, без угроз и шантажа».

Уже на следующий день Председателя Совета Министров СССР встречал Берлин.

Берлин... Город, где еще поныне видны руины, оставшиеся после войны. Город, противоестественно разделенный на две части, где «холодная война» ощущается ежедневно, ежечасно. Из Западного Берлина ползут нескончаемые провокации против жителей Германской Демократической Республики. Кто, как не жители Берлина, больше всего понимает необходимость решения германской проблемы и вопроса о Берлине, на чем так энергично настаивает Советский Союз?! Вот почему жители этого города высыпали на улицы и устроили такую горячую, незабываемую встречу главе великой дружественной страны.

Товарищ Вальтер Ульбрихт назвал этот восторженный прием дорогого гостя «народным

1. Глава Советского правительства направляется во дворец Шайо на пресс-конференцию.

2, 3, 4. Более двух тысяч корреспондентов со всех стран мира присутствовало на пресс-конференции. Н. С. Хрущев отвечает на вопросы журналистов.

5. Встреча на французской дороге.

6. Делегация рабочих-полиграфистов преподнесла главе Советского правительства только что вышедшую книгу «Хрущев во Франции».

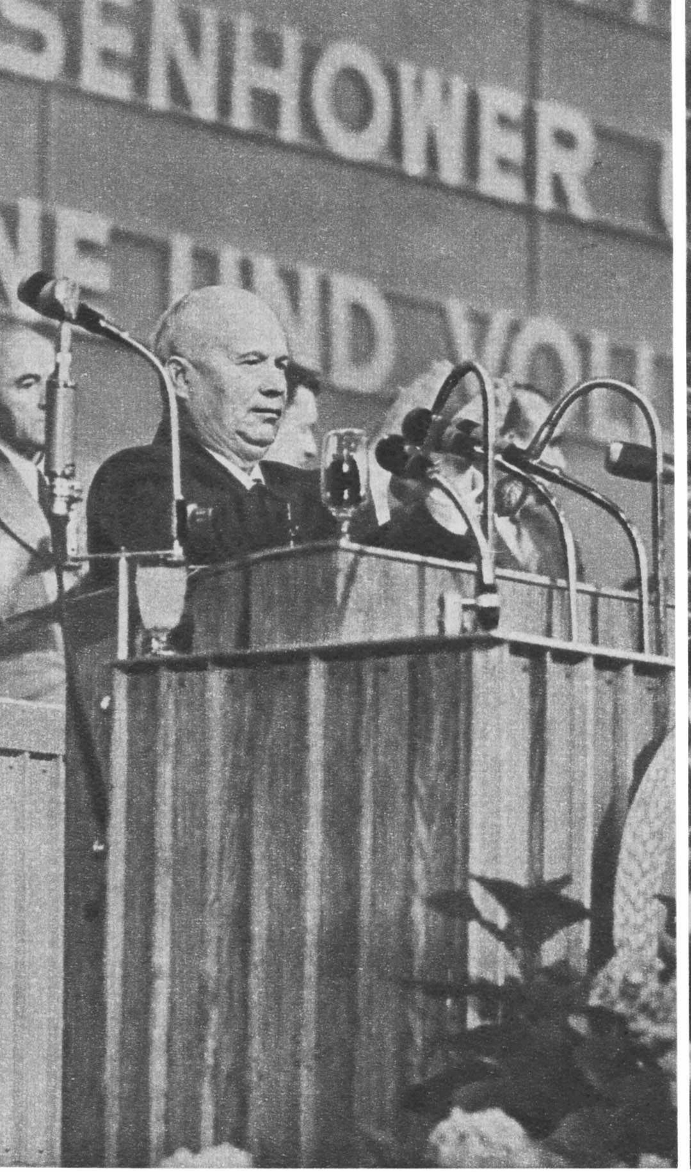
7. В зале пресс-конференции.

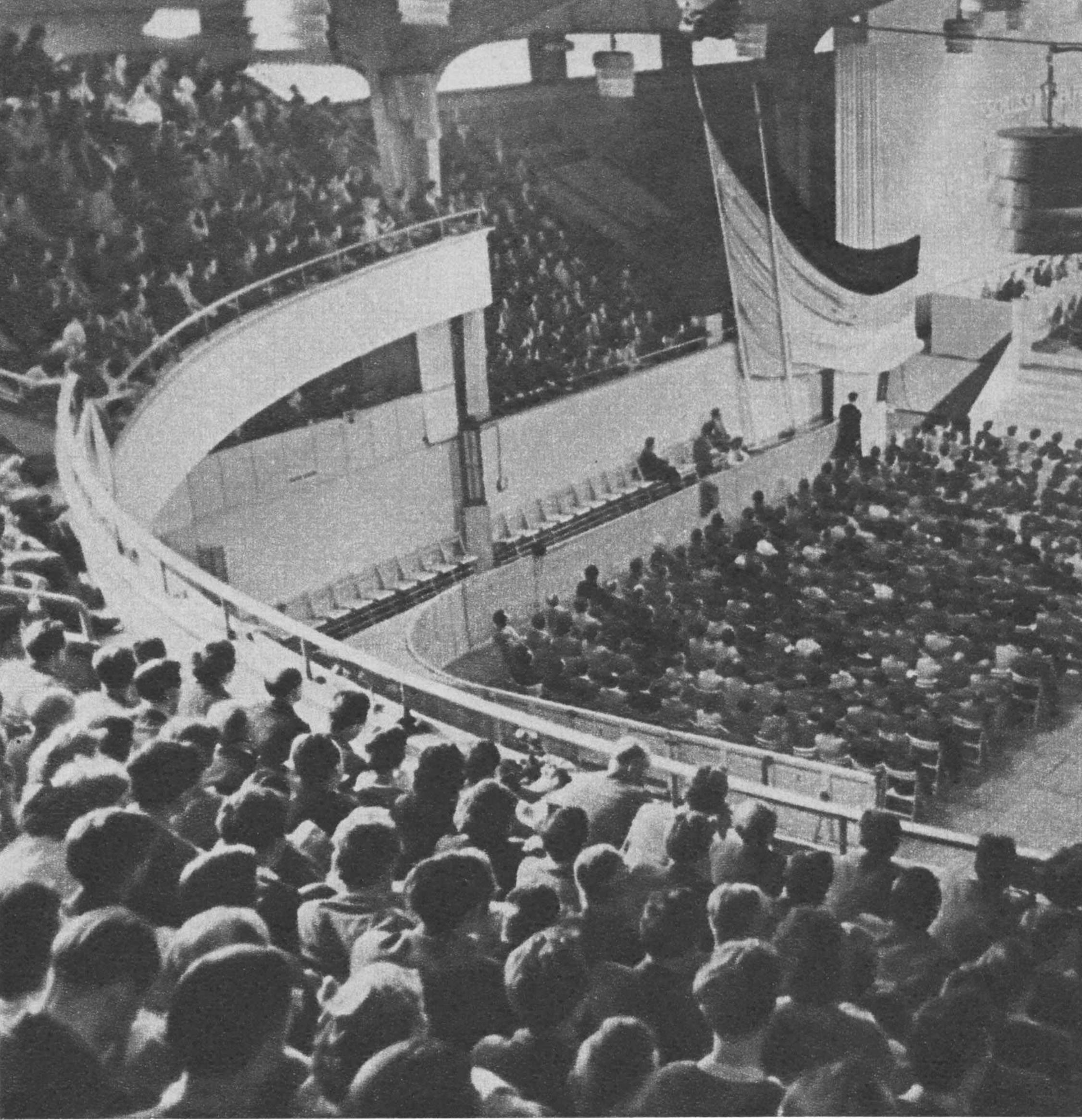
8. Берлинцы приветствуют советского гостя.

Денно и нощно дежурили корреспонденты на подступах к советскому посольству в Париже.

Н. С. Хрущев выступает на митинге в Берлине.

Криста Ленднер.

По просьбе «Огонька» корреспонденты иллюстрированного журнала «Фрайе Вельт» обратились к жителям Берлина с просьбой высказать свое мнение о событиях, связанных со срывом американскими империалистами совещания в верхах и визитом Н. С. Хрущева в ГДР. Вот что думают об этом простые немцы:

Вальдемар Бюнцов.

голосованием за мир». Да, в радостных овациях, в потоке цветов — голос берлинцев, горячо одобряющих миролюбивую политику Страны Советов, это голосование за дружбу, за мир, за демократическую Германию.

Огромный, на 5 тысяч мест, спортивный зал имени известного антифашиста Вернера Зееленбиндера смог вместить лишь небольшую часть берлинцев, пришедших на митинг-встречу с главой Советского правительства. Тысячи и тысячи людей запрудили прилегающие площадь и улицы. Они слушают речь Н. С. Хрущева по радио, и под сводами зала и по огромной площади то и дело прокатываются овации: «Фройндшафт!», «Дружба! Мир!»

Криста ЛЕНДНЕР,
дантист

По-моему, премьер-министр Хрущев был прав, когда потребовал от Эйзенхауэра, чтобы тот извинился. Нельзя оставлять безнаказанными эти провокации: они ведут к войне.

Герхард Грун.

Герхард ГРУН,
крановщик на заводе стальных конструкций

После того, как совещание в верхах не состоялось, я думаю, это очень правильно, что Н. С. Хрущев приехал побеседовать с правительством нашей республики. Ведь прошло уже пятнадцать лет после конца войны, а мы все еще ждем, когда будет мирный договор. Если западные державы не готовы подписать такой договор, тогда придется Советскому Союзу и ГДР подвести черту под второй мировой войной.

Ильза Гельбич.

Ильза ГЕЛЬБИЧ,
стенографистка

Я очень рада, что наш друг Хрущев приехал к нам в Берлин. Он всем нам показал, когда был в Париже, как твердо надо защищать правое дело. За это мы его очень уважаем.

Вальдемар БЮНЦОВ,
упаковщик на заводе телевизионной аппаратуры

Я считаю, что отъезд Никиты Хрущева из Парижа был правильным делом. Какое уважающее себя государство примирилось бы с полетом над своей территорией военного самолета другой державы? Ведь это — нарушение всех международных законов и обычаев! То, как поступил Хрущев,— это и в наших интересах, в интересах всех немцев и всех народов вообще.

Плакаты на улицах немецкой столицы.

От Берлина до Пекина, по всему социалистическому лагерю гремели в те дни эти слова.

С новой силой они прозвучали на улицах нашей столицы, где десятки тысяч москвичей приветствовали главу своего правительства, возвратившегося из Парижа и Берлина.

Могучий лагерь мира и социализма не боится угроз и шантажа. Над нами чистое небо. В нем величаво плывет советский космический корабль — символ мира, прогресса, неисчерпаемых сил нашего народа. А всякие провокации одряхлевших трубадуров «позиции силы» кончатся столь же позорно, как и бандитский рейс Пауэрса, и будут с презрением осуждены всем миролюбивым человечеством.

Трудящиеся Москвы встречают Председателя Совета Министров СССР.

Фото А. НОВИКОВА.

1 ИЮНЯ — МЕЖДУНАРОДНЫЙ

ЛИШЕННЫЕ

Вот так, с ребенком за плечами, простаивают целый день у станка японские ткачихи.

Известного борца за мир Хьюлетта Джонсона, вернувшегося из Советского Союза, спросили: «Есть ли в России привилегированный класс?» Он ответил: «Да, есть — это дети!»

На Западе, в пресловутом «свободном мире», лишения и беды стоят у колыбели миллионов детей.

В Соединенных Штатах судьба миллионов юных граждан зависит от того, есть ли у их родителей работа. Когда в семье нет денег на хлеб, не приходится и думать о том, чтобы посылать ребенка в школу.

В США, тратящих ежегодно десятки миллиардов долларов на гонку вооружений, миллионы детей занимаются в классах, похожих на трущобы. Школа в США не в силах предотвратить неуклонный рост преступности среди несовершеннолетних — эта тема не сходит со страниц американской печати. Журнал «Харперс мэгэзин» приводит данные о том, что один из каждых двенадцати американских детей должен провести часть своей жизни в психиатрической больнице. Нужно ли удивляться этому? В американском журнале «Макколз» в статье «Воспитывайте вашего сына солдатом» матерям дается совет уже с восьми лет прививать мальчикам дух милитаризма: «Если ваши юные ковбои хотят стрелять друг в друга, не препятствуйте... Опыт, которого они боятся в действительной жизни, теряет свои наиболее страшные черты, когда он включается в игры».

По данным ЮНЕСКО, опубликованным в сборнике «Состояние образования в мире», на каждый десяток детей, живущих на нашей планете, всего пять имеют возможность учиться в школе. Всего половина!

Треть населения Испании — более десяти миллионов человек — никогда не переступала порог школы.

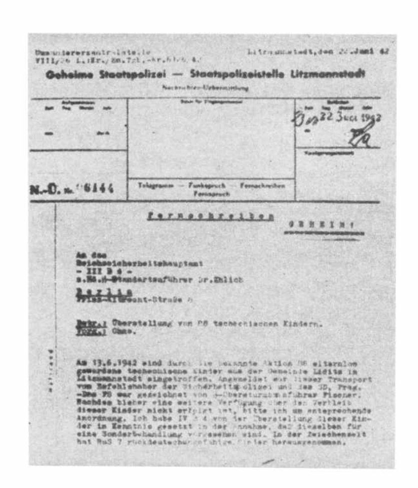
В Италии пять миллионов неграмотных и... сто тысяч безработных учителей.

Дешев и «выгоден» в странах капитала детский труд. День у многих ребят начинается не школьным звонком, а окриком мастера в цехе, в мастерской, на шахте.

В Японии, по официальным данным, работает два миллиона триста тысяч детей моложе

ОТСТОЯТЬ СЧАСТЬЕ

Палачи лидицких сирот

Geheime Staatspolizei — Staatspolizeistelle Litzmannstadt

N.-Ü. Nr. 6144

Fernschreiben

GEHEIM!

Донесение оберштурмбаннфюрера Крумея.

Распоряжение Гиммлера о чешских детях.

Geheim!

Lieber Sollmann!

Heil Hitler!

Господин Аденауэр любит произносить речи о том, что боннская республика «навсегда порвала с прошлым гитлеровской Германии», что в государственном аппарате ФРГ якобы нет военных преступников, что в Бонне к нацистам вообще относятся сурово, что...

Слова, слова, слова...

А вот факты, которые не оставляют камня на камне от лживых заявлений боннских правителей.

* * *

Трагедия Лидице не кончилась сожжением этого чешского села эсэсовцами и истреблением его взрослого населения.

Спустя 18 лет, совсем недавно, в архиве бывшего гаулейтера так называемого «Протектората Богемии и Моравии» Карла Германа Франка удалось обнаружить документы, которые освещают новые подробности не только лидицкой трагедии, но и всего гитлеровского «правления» в оккупированной Чехословакии.

Вот перед нами первый документ:

Главному управлению безопасности рейха в Берлине

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Лично штандартенфюреру СС д-ру Элиху.

№ 6144 22 июня 1942 г.

Касательно 88 чешских детей.

13 июня 1942 г. прибыли в Литцманштадт (г. Лодзь в Польше.— **Я. Н.**) 88 осиротевших чешских детей после известной акции в волости Лидице... До сих пор нет указаний об этих детях, с которыми, как я полагаю, предусмотрено **особое обращение.** Прошу соответствующих распоряжений.

Оберштурмбаннфюрер СС Крумей.

Лишь год спустя, опомнившись после Сталинграда и разъяренные разгромом на Курской дуге, эсэсовцы вспомнили о Лидице. Именно тогда последовало распоряжение «рейхсфюрера СС и полиции» Генриха Гиммлера. Приводим его полностью.

Рейхсфюрер СС

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

№ 86/31/43 21 июня 1943 г.

Дорогой Зольманн!

Поручаю Вам немедленно связаться в Праге с обергруппенфюрером СС Франком. Лучше всего, если Вы посетите его лично. Предстоит решить следующее: размещение, распределение и содержание чешских детей, родители или родственники которых были казнены как участники движения сопротивления. Решить этот вопрос надо, разумеется, по-умному. Негодных детей надо выслать в специальные детские лагеря. Приемлемые в расовом отношении дети, которые могли бы стать опасными мстителями за своих отцов, если не воспитать их соответственно, по-человечески, должны быть — как я это себе представляю — пропущены через интернаты «Лебенсборн», где можно было бы изучить их характер, а затем переданы в немецкие семьи в качестве приемных детей.

Хайль Гитлер!

Ваш Г. Гиммлер.

Распоряжение Гиммлера было выполнено его подручными с усердием и старательностью профессиональных палачей.

Почти год спустя — 13 июня 1944 года — ответственный чиновник «Протектората Богемии и Моравии» доктор Роберт Гис докладывал новому начальнику отдела кадров штаба СС штандартенфюреру СС Т. Брандту о результатах данного «мероприятия». Из содержания доклада видно, что гаулейтер Франк, получив распоряжение Гиммлера, отдал приказ о том, чтобы чешские дети в возрасте до 6 лет были размещены в интернатах «Лебенсборн». Большинство же детей, о которых шла речь в докладе Гиса, были уничтожены разными способами: у одних брали кровь для гитлеровских солдат до тех пор, пока невольные доноры не умирали; другие погибли от истощения; третьих изнуряли непосильной работой и потом приканчивали.

Дети из Лидице почти все пали жертвами приказа Франка. Лишь

РАДОСТИ

четырнадцати лет. Гул фабричных машин слышат с первых дней своей жизни тысячи малышей, которых матери вынуждены брать с собой в цех.

В Эквадоре, по сообщению газеты «Эль телеграфо», дети обычно начинают работать с пятилетнего возраста. Родители вынуждены заставлять их трудиться наравне с собой, чтобы как-то прокормить семью.

Голод! Тысячи семей не могут забыть это страшное слово, которое еще страшнее для беззащитного, едва вступившего в жизнь ребенка. «Пусть лучше я их убью, чем они умрут с голода»,— заявила мать, убившая троих своих детей. Так писала одна турецкая газета в октябре 1959 года.

Особенно страшна участь детей там, где еще царит позорная система колониализма.

В Южно-Африканском Союзе только 50 процентов ребят доживают до шестнадцати лет.

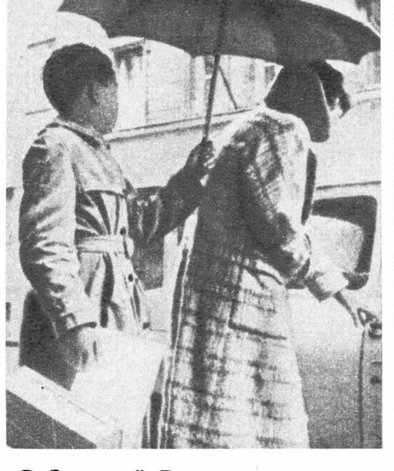
В одной из больниц в городе Дурбане (Южно-Африканский Союз) из тысячи ста детей «туземцев», поступивших на лечение, умерло четыреста — настолько они были истощены.

В Конго до 40 процентов малышей погибает в грудном возрасте и свыше 60 процентов — моложе пятнадцати лет.

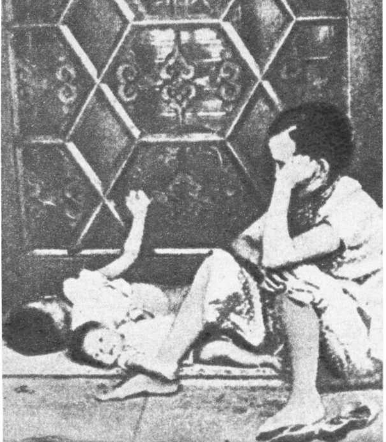
А сколько детей стран Африки никогда не видело белого халата врача!..

«...В Нигерии, около ее восточных и западных границ, идет оживленная торговля детьми негритянского происхождения. Обычно это дети четырех — двенадцати лет, похищенные из их семей. Как правило, детей продают в Камерун и Дагомею, где они используются состоятельными людьми в качестве домашней прислуги и для работ на фермах...» Эти строки опубликованы в американском журнале «Лайф» за этот год. Речь в них идет не о событиях далекого прошлого, когда торговля живым товаром была обычным делом, а о наших днях...

Народы земли ведут великую битву за мир. Это борьба за то, чтобы дети никогда не узнали снова военного лихолетья, не знали голода и бездомной жизни, чтобы они вырастали достойными высокого звания Человека, чтобы повсюду слова «детство» и «счастье» стали синонимами.

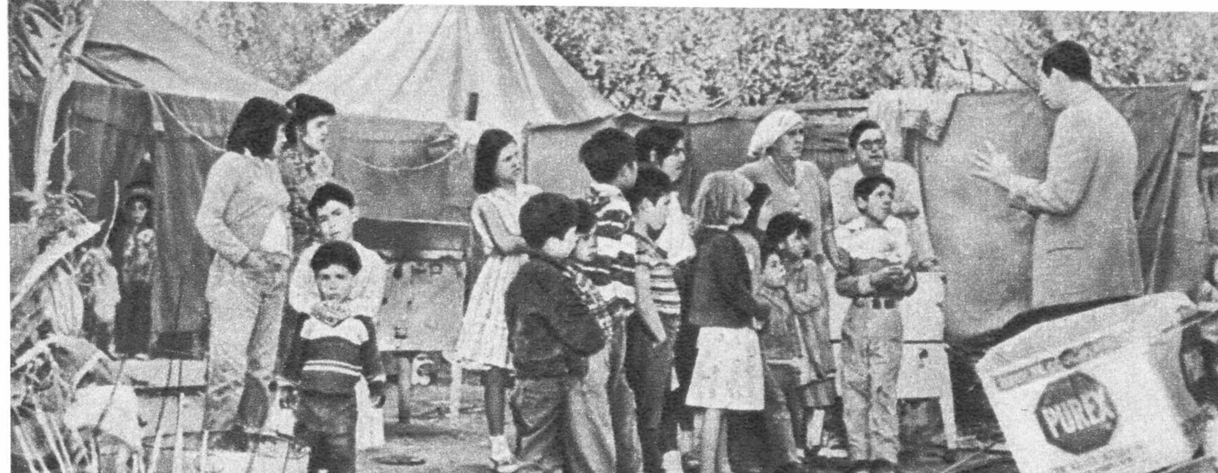
В Западной Германии, как сообщает журнал «Мюнхенер иллюстрирте», стало модным иметь цветного боя. Богатые дамы осаждают биржу труда, чтобы получить маленьких цветных слуг.

Для многих детей бедноты в Гонконге тротуары заменяют колыбель.

В этих утлых лодках живут семьи одного из племен Конго.

Вместе с сезонными рабочими, кочующими по Америке в поисках заработка, вынуждены скитаться и их дети. Семья, которую вы видите на этом снимке, ютится в палатках, занятых у предпринимателя-фермера.

ЮНЫХ ГРАЖДАН ЗЕМЛИ

девять из них были переданы в интернаты «Лебенсборн».

Так называемые интернаты «Лебенсборн» (где Гиммлер приказывал «по-человечески» воспитать тех, кого фашисты сделали сиротами) были застенками, в которых польских, чешских и советских детей жестоко истязали, онемечивали и морально уродовали.

Руководитель операции по истреблению чешских детей Роберт Гис находится сейчас в Мюнстере (земля Северный Рейн-Вестфалия, ФРГ) и является пенсионером боннского государства. А г-н Аденауэр распинается о «разрыве с прошлым»!

А Герман Крумей? Тот, который в приведенном выше документе запрашивал эсэсовских главарей, как расправиться с лидицкими детьми? В 1941—1942 годах он был начальником специального лагеря в Лодзи. Он повинен в смерти многих тысяч поляков, чехов и советских граждан: под его руководством и по его инициативе в этом лагере проводились массовые казни заключенных. Это он отправил лидицких ребят в газовые камеры.

Позднее оберштурмбаннфюреру Крумею было поручено «заняться» венгерскими евреями. Подручный оправдал доверие своих шефов: в лагерях смерти Освенциме и Майданеке были уничтожены сотни тысяч венгерских евреев.

Пока расследовались обстоятельства гибели лидицких детей, Г. Крумей преспокойно жил в Западной Германии. Как переселенцу из Судетской области боннские власти — несмотря на службу Крумея в СС — нашли возможным... возместить ему военный «ущерб»! Бандиту и палачу было выплачено 12 тысяч западногерманских марок. Крумей обзавелся крупным аптекарским магазином в городе Корбахе, а вскоре был избран депутатом ландтага.

16 августа 1958 года после настойчивых требований чехословацких властей прокуратура ФРГ была вынуждена арестовать Крумея. Однако, не пробыв в тюрьме и года, Крумей вышел на свободу. Суд во Франкфурте-на-Майне оправдал его на основании того, что Крумей, дескать, выполнял «солдатский долг»! На суде Крумей нагло отрицал, что слова «особое обращение», примененные им по отношению к чешским детям, означают расправу с ними.

Трудно представить себе более лицемерное, более бесстыдное обоснование судебного решения.

Всем эсэсовцам, независимо от того, какой они занимали пост или в каком ведомстве работали, термин этот был хорошо известен. «Особое обращение» (зондерхандлюнг) на их языке означало уничтожение без суда. Бывший комендант концлагеря в Терезине эсэсовец Гейнрих Йоккель показал на следствии: «Приказы по применению термина «особое обращение» всегда приходили из Праги и излагались следующим образом: «Начальник полиции и СС, обергруппенфюрер К. Г. Франк приказал применить к данному лицу «особое обращение». Прошу поэтому выполнить экзекуцию путем расстрела».

Герман Крумей по-прежнему благоденствует под крылышком боннских покровителей. Сейчас он мечтает об открытии второго аптекарского магазина.

Но вот еще один документ. На нем нет штампа «секретно» и подписи кого-либо из эсэсовских главарей. Этот документ, написанный на обрывке бумаги, — письмо двух лидицких ребят из концлагеря в Хелмне, где их потом удушили в газовых камерах.

Вот оно, это письмо:

«Сердечный привет из Польши шлют (оставшиеся) без отца и матери Эмма и Венда.

Дорогие дядя и тетя! Пришлите нам ради бога хоть что-нибудь из одежды и обуви. Главное, если бы вы могли послать хоть немножко хлеба и что-нибудь поесть... Ведь у нас тут ничего нет, только то, что на себе... Имеете ли какие сведения о папе и маме?..»

Письмо это не дошло до адресата: те, кому оно было послано, погибли в концлагере в Лодзи, где начальником был... все тот же Герман Крумей.

Кровь лидицких детей взывает к возмездию!

Я. НЕМЧИНСКИЙ

—пенсионеры Бонна

Письмо двух лидицких детей из концлагеря в Хелмне.

"Milá teto a strýčku
Srdečný pozdrav z
Polska bez otce a matky zasílá
Ema a Venda milý strýčku a
tetičko byli byste tak laskavi a
poslali nám nějaké šaty
a obuv Hlavně jestli byste mohli
alespoň kus chleba a něco k
k jídlu neboť nemáme nic
než to co máme na sobě a
to již moc
Strýčo nevíte snad o tatín
kovi a mamince? a Vendovi
také něco na sebe Ja myslím
že vy jste zdrávy a všichni
pohromadě Buďte tak

Всеволод КОЧЕТОВ

ПРИВЛЕКАЕТ ТОЛЬКО ПРАВДА

После смерти Франклина Рузвельта Соединенным Штатам Америки долго и упорно не везет на государственное руководство. Ершился и петушился Гарри Трумэн, так и не поднявшийся в своей президентской деятельности над уровнем заурядного конторщика. Бесславно путался возле него столь же заурядный государственный секретарь Ачесон. На смену Трумэну пришел генерал Эйзенхауэр. С ним на политической арене возникли ныне покойный Джон Фостер Даллес и благополучно здравствующие Никсон с Гертером.

Все они, усердно молясь на людях богу, в тиши своих зашторенных вашингтонских кабинетов делали одно общее дело, перехватывая его друг от друга, как эстафету: они без устали плели интриги против стран лагеря социализма, и прежде всего против нашей страны, в самых хитроумных вариантах строили неисчислимые козни против мира, не скупясь на затраты, подбрасывали горючее в огонь «холодной войны» и в итоге обеспечивали новые и новые прибыли фабрикантам и поставщикам оружия.

Что внесли они в национальную сокровищницу Соединенных Штатов? Авантюру с военной поддержкой режима Чан Кай-ши в Китае? Но ведь известно, что с головы до ног обвешанные американским оружием миллионные чанкайшистские армии были вдребезги разбиты Народно-освободительной армией революционного Китая. Американский «дядюшка» опозорился перед всем миром. Может быть, звездное знамя покрылось затем славой в Корее, где перед разбойничьим наступлением лисынмановских полчищ Даллес лично облазил траншеи их переднего края? Нет, и здесь, как известно, «дядюшка» был бит.

То тут, то там «дядюшку» постоянно ловили за нечистую руку. Раздувая военные пожарища, он не брезговал и такими делишками, как подслушивание телефонных разговоров в подкопах под Берлином, как похищение советских людей, как поджигательские передачи по радио от имени вымышленных лиц.

Да, поставить эти бесчестные проделки рядом с тем, что оставили в наследие американскому народу Авраам Линкольн и Джордж Вашингтон,— и грустно станет. Иной доли, иной славы заслуживает деятельный, трудолюбивый, талантливый народ Соединенных Штатов.

Те, кто бывал на американской выставке в Москве прошлым летом, покидали выставку с разочарованием и недоумением. Столько слышано об этой Америке, столько выброшено в мир реклам ее достижений и успехов, а выставка скудна, однобока, невыразительна. В чем дело?

Как в зеркале, отразился на выставке мелкий, негосударственный уровень американских политиков. Не сумев дать своему народу больших, светлых идей, которые наполнили бы жизнь высоким смыслом, они, пытаясь возместить недостаток духовных идеалов, наводнили рынок пестрым ширпотребом и его же, ширпотреб, раскинули на прилавках выставки в Сокольниках для того, видимо, чтобы в разрекламированные нейлоновые сети уловить и души советских людей, как улавливают они немало доверчивых душ американских.

Но кого же из советских людей удивишь пылесосом или холодильником? Если бы устроители выставки побывали хотя бы в хозяйственном отделе одного из магазинов сельпо в далеком узбекском Намангане, они бы, несомненно, призадумались. Пылесосы, холодильники, стиральные машины, любые иные бытовые электроприборы там совсем не редкость. Кого удивишь телевизором, если над любым провинциальным домиком, над любой железнодорожной будкой каждый иностранный турист из окна поезда Москва — Ленинград, Москва — Сочи, Москва — Киев может собственными глазами увидеть телевизионные антенны!

Это правда, когда-то у нас не было ни сапог, ни масла. Были только идеи. Но прошли годы, и великие идеи строительства самого совершенного общества на земле стали приносить драгоценные плоды. Не будет никакой ошибки, если я скажу, что это именно они, эти идеи, из года в год все обильнее наполняют наши магазины товарами, необходимыми для удобств жизни человека. Не дав людям идей, дав им только в рассрочку пылесосы и нейлоны, властители Соединенных Штатов Америки хотят видеть вокруг себя толпу обывателей и мещан.

В какой-то мере это им, конечно, удается. Минувшим апрелем в одном из чудеснейших уголков земли, на итальянском острове Капри, куда стекаются туристы со всего света, группа советских людей бродила вдоль лавочек, торгующих всевозможнейшими традиционными для этих мест сувенирами. Соломенные шляпы, керамические пепельницы, деревянные и терракотовые фигурки, раковины, в которых слышен шум лазоревых волн Средиземного моря. И над всем этим развевались по ветру пестрые мужские кофты, покрытые нелепыми, грубыми картинками. Неужели, думалось, итальянцы, потомки гениального Леонардо, Микеланджело и Рафаэля, способны носить на себе эти шутовские одежды? «Нет,— ответил нам один из продавцов,— мои соотечественники такое не купят. Это для американских туристов и для богатых немцев из ФРГ, которые подражают американцам».

Курс на мещанство, порча вкуса во имя прибылей разных ловкачей, вырабатывающих «модную» дрянь, делают свое дело. Делают свое дело абстрактная, антихудожественная живопись, еще более отвратительная, чем живопись, абстрактная скульптура, низкопробная массовая ковбойская кинопродукция, вывихивающая мозги молодежи гангстерская литература.

Но народ остается народом. Как бы ни были незадачливы руководители Соединенных Штатов, из толщи народа идут Поли Робсоны, Ваны Клиберны, миллионы тех, кому дорога честь родины, кто думает над ее будущим, кто хочет видеть ее несущей миру свет и свободу, а не мрак, порабощение и войну.

Обыватели из вашингтонского Белого дома не поняли того, что идеи мира, идеи жизни без войн и пожарищ овладели умами всего передового человечества, что знамя мирного сосуществования государств разных социальных систем, знамя дружбы между народами, поднятое нашей страной, видно сегодня даже в самых дальних и глухих уголках планеты. Они вылезли с провокацией против мира, запустив в наше небо шпионский самолет в те самые дни, когда готовился большой разговор о мире. И при этом сначала заврались, как школьники младших классов, а потом попытались принять горделивую позу беззаветных борцов за мир... борцов за мир, пользующихся позорными методами шпионажа!

Может быть, президент Эйзенхауэр и его единомышленники полагают, что народ Соединенных Штатов Америки поддержит их в такой политике? Нет, на поддержку народа они, пожалуй, уже не рассчитывают. Не так давно вице-президента США Никсона в странах Южной Америки забрасывали гнилыми бананами. На днях парижане освистывали самого президента. Люди труда, рабочие люди всех стран солидарны, разница в языках не мешает им отлично понимать друг друга. Сборщики Детройта поймут слесарей Парижа, металлурги Питсбурга услышат голос докеров Бордо. Настало такое время на земле, когда поджигатель войны, злоумышленник против мира будет осуждаться и чужими народами и своим народом.

Когда пятого мая мы слушали доклад Никиты Сергеевича Хрущева в Большом Кремлевском дворце, когда мы услышали слова о самолете-шпионе, вторгшемся в наше воздушное пространство, не было пределов возмущению собравшихся в огромном белом зале. Не было пределов возмущению всех советских людей, до которых слова доклада в тот же час долетели по радио. Но мы были не одни. Весть о наглой американской провокации стремительной волной прокатилась по земному шару и вызвала возмущение повсюду.

Трудно придется отныне президенту Эйзенхауэру. До этих дней многие заблуждались в оценке его речей о мире, о «мировой миссии», определенной Соединенным Штатам чуть ли не самим господом богом. Теперь, когда сорваны камуфляжные наряды, все порядочные люди видят за этими благочестивыми разглагольствованиями истинное лицо правителей США, лицо, не способное краснеть даже в таком крайнем случае, когда «дядюшка» вновь, и самым позорнейшим образом, пойман за руку, так пойман, как еще, пожалуй, с ним и не случалось.

Нет, ныне ложь не в моде! Ныне ложь отталкивает. Привлекает только правда. А правда на нашей стороне. Со всей прямотой разговаривает с простыми людьми любой страны и с ее государственными деятелями Никита Сергеевич Хрущев. Со всей прямотой разговаривает с народами мира вся наша страна.

Народы отлично понимают, где показное миролюбие, а где истинное. Они пойдут за нами, потому что у нас слова не расходятся с делом, они поддержат нас, зная, что мы не грозим другим людям мечом и мировыми пожарищами, а вместе с ними думаем о счастье человеческом на всей земле.

ТАКОВ СОВЕТСКИЙ ГУМАНИЗМ

Дорогие друзья!

Через «Огонек» я шлю свою благодарность советским женщинам, которых не знаю лично.

Дочь моя тяжело заболела. Она не могла ходить, не могла есть. Находящийся здесь, в Венгрии, русский врач осмотрел ее. Он сказал, что, возможно, очень пригодилось бы лекарство, изготовляемое в СССР.

Но где его взять? Мне посоветовали написать в Советский Союз. Я написала в Ленинград, ученице 9-го класса Нолле Федоровой, чей адрес дали мне в нашем Доме пионеров. И вдруг получаю теплое, до слез растрогавшее меня письмо от работников научной библиотеки в Москве. Подписали письмо восемнадцать человек. Проходит еще несколько дней — и я получаю посылку с пятью бутылками лекарства, которую отправила Шишиц Эмилия Николаевна (2-й Краснопрудный переулок, Москва). И, наконец, мне доставили посылочку и от Ноллы Федоровой из Ленинграда.

Никто из этих советских людей не писал, сколько стоит лекарство и нужно ли мне платить за него. Я просто не могла представить себе, как это вдруг люди из другой страны могут принять такое участие в горе матери, незнакомой им, живущей за многие сотни километров.

Друзья мои, лекарство пришло вовремя. Дочь моя поправилась. Тут мало сказать спасибо. Да и есть ли слова благодарности — ведь я сохранила единственную мою дочь!

Я мысленно обнимаю славную девушку Ноллу, и Эмилию Николаевну, и всех других, кто отнесся ко мне по-человечески, по-товарищески.

Я знаю, почему это так произошло. Иначе и не могло быть. Это истинный дух гуманизма, свойственный Советской стране.

Ваша Ирена КОВАЧ

г. Веспрем, Венгрия.

«Огонек».

ДОЧЬ ЛЕСНИКА.

Фото В. Гиппенрейтера.

Всесоюзная художественная фотовыставка.

КЛЮЧИ ПОТЕРЯЛИ. **Фото Б. Романова.** Всесоюзная художественная фотовыставка.

ВЫСОТА

Марк МАКСИМОВ

Снова наша песня позывная,
словно вешний голос ручейка:
«Широка страна моя родная...»
Но она не только широка!

Широка всегда была Россия,
до поры приземистой была:
крыши над сугробами косые
да всего превыше купола.

Но простерта — как она простерта! —
ленинская точная рука:
путь вперед указывает гордо
и одновременно — в облака!

И сегодня с теми господами,
что парят чуть выше коршунья,
говорит Россия:
— Опоздали
свысока разглядывать меня!

И летит, земным открытый взорам,
наш Корабль сквозь выси напролом,
над покрытым пылью и позором,
перебитым коршуньим крылом.

Поднимаем знамя,
твердо зная:
дотянуться до его древка
коротка у тех господ рука!
Широка страна моя родная
да к тому еще и высока!

●

ВПЕРЕД

Мануэль Наварро ЛУНА,
кубинский поэт

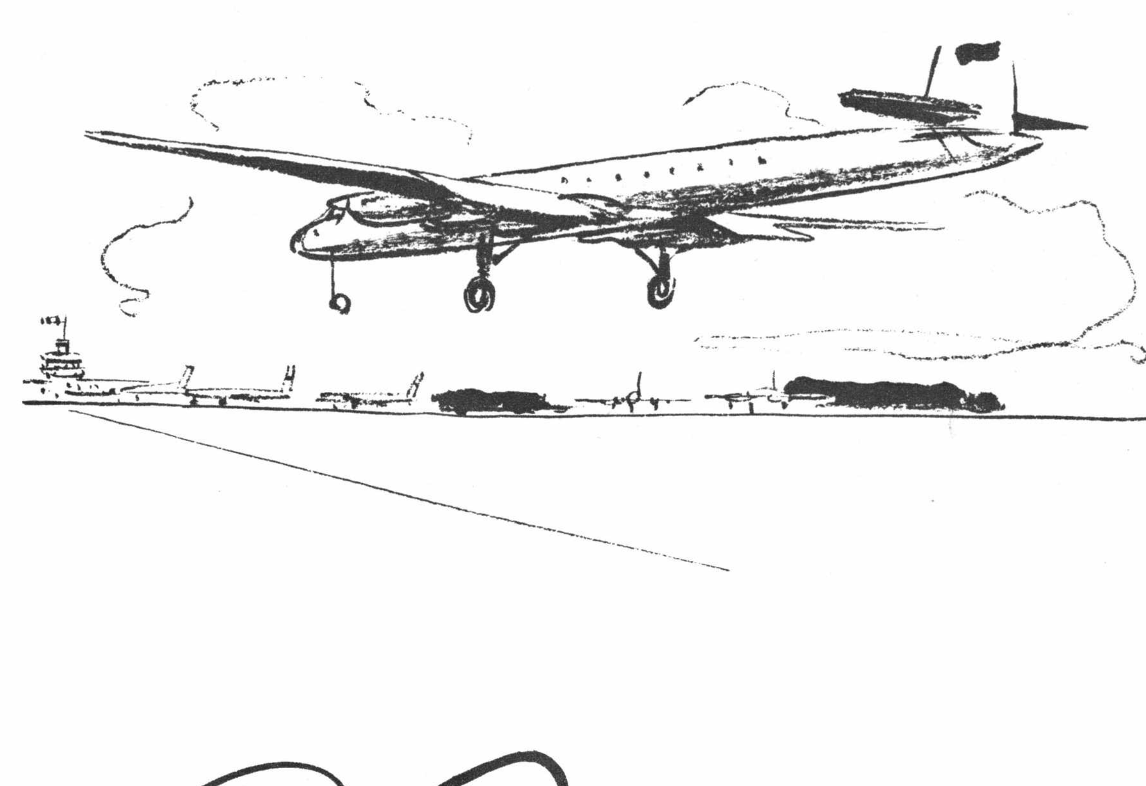
Он был силен и молод. Одержимый
влечением к звезде недостижимой,
сияньем прочертившей черный свод,
глядел он с верою непостижимой
на мир и повторял: «Вперед! Вперед!»

Застенок, что могила: ночь слепая;
едва мерцала лампочка скупая;
его пытал тюремщик — злой урод,
но встал он с пола, кровью истекая,
чтоб только повторить: «Вперед! Вперед!»

За ним гнали́сь на суше и на море —
ведь он хотел, чтоб на земном просторе
не стало ни заборов, ни ворот,—
а он твердил, уже со смертью в споре:
«Вперед! Вперед!»

Не выпустила ни единой тени
от века смерть из-под могильной сени,
и все же не умрет
вовеки голос гордый и весенний:
«Вперед! Вперед!»

Перевел с испанского
О. САВИЧ.

Хрустящие облака

Рассказ

Михаил КОРШУНОВ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

1

Летит большой самолет. Он в пути уже много часов.

В самолете, в кресле, спит девочка Алики. Она укрыта шубой.

Самолет летит из того края, где никогда не бывает зимы, а в тропических лесах, джунглях, живут слоны. Где чай пьют из скорлупы кокосовых орехов, спят на циновках-тикарах, а по ночам жгут факелы из пальмовых листьев, скрученных в трубку и заполненных смолой.

В праздники женщины и дети надевают яркие юбки — саронги — и танцуют под стук деревянных барабанов и свист бамбуковых флейт.

Девочка Алики не могла танцевать. Не могла бегать, играть с ребятами, плавать в море, даже быстро ходить.

У нее было больное сердце. Чтобы сердце вылечить, требовалось его остановить. Остановить на двадцать минут и произвести операцию.

Но там, где Алики родилась и жила, никто этого сделать не мог.

Уже много часов летит над облаками кресло, в котором спит Алики, укрытая шубой.

Кресло летит туда, где сейчас снег и мороз. Кресло летит в Россию, в Москву.

В Москве врачи остановят сердце Алики на двадцать минут и произведут операцию. Они умеют это делать. Тогда сердце будет здоровым. Здоровой будет и Алики. Сможет бегать, играть с ребятами, плавать в море, а главное, танцевать. Наденет яркую юбку — саронгу — и под стук деревянных барабанов и свист бамбуковых флейт станцует танец гохар. Яркую юбку — саронгу — ей давно соткала и раскрасила бабушка.

Гудят моторы самолета. Желтые от солнца крылья рассекают синий воздух. Белые облака закрыли землю. Тень самолета скользит по их спинам.

Где-то внизу на земле стоят большие города — куалы и маленькие селения — кампонги. Зеленеют деревья и травы.

А может быть, самолет летит уже над землей, где нет зеленых деревьев и трав, нет листьев, а есть снег и мороз?

Рядом в кресле сидит мама. Читает в словаре русские слова, вспоминает их. Она недавно была в Москве, танцевала на фестивале. Никто лучше нее не танцует гохар.

Алики похожа на мать. Тонкая и гибкая, как жилка листа пальмы. Только танцевать не может.

Быстро летит самолет. Сильное у него сердце.

2

Ей дали снег. Он ожег ладони, и Алики его выпустила. Мороз перехватил дыхание.

Алики спряталась в шубу. Оставила только глаза, чтобы видеть, ноги, чтобы идти.

Мать прижала Алики к себе, и они медленно пошли через белое от снега поле к зданию аэровокзала.

Облака опустились на землю, хрустели под ногами. Это и есть снег, решила Алики.

Летчик на прощание помахал рукой и крикнул:

— Энтонг!

«Энтонг» по-малайски значит «всякой удачи».

Алики улыбнулась летчику, хотя она была испугана морозом и снегом.

Шофер такси усадил в машину Алики и мать.

— Холодно? — спросил он.

Мать поняла и ответила:

— Холодно.

— Привыкнете,— сказал шофер.

— Да,— ответила мать.— Привыкнем.

Шофер включил печку. Зашумел вентилятор и погнал в кабину теплый воздух.

Машина ехала в куалу Москву.

Алики смотрела в окно. Белые хрустящие облака лежали на дороге и в лесу на деревьях, на которых не было листьев. Шумел вентилятор печки, посылал в кабину теплый воздух. Алики согрелась.

Когда вдали показались высокие дома, шофер сказал:

— Москва.

В Москве тоже лежали хрустящие облака. На крышах домов, на трубах, на фонарях, на автобусах, на светофорах и даже на проводах.

Шофер остановил машину возле гостиницы. Помог Алики и маме выйти из машины. Донес чемодан.

Прощаясь, сказал:

— Желаю удачи в Москве.

Мама перевела Алики его слова:

— Энтонг.

Алики улыбнулась шоферу. Он похлопал ее по плечу и уехал.

3

На потолке большая лампа. Ярким светом заливает операционную, стол, на котором под стерильной простыней лежит Алики.

Сестры готовят инструменты, тампоны, лекарства, маски и перчатки для хирурга и его помощников.

Стоят приборы. И среди них самый главный и самый сложный, недавно созданный людьми, — искусственное сердце. Он будет работать, когда сердце Алики остановят. Остановят на двадцать минут и произведут операцию.

В операционную вошел хирург в стерильном халате, в стерильной шапочке. Руки держит перед собой. Они прикрыты марлевой салфеткой, смоченной в спирте.

Хирург улыбается Алики. Ласково кивает. Хирург и Алики уже знакомы. Потом кивает сестре. Тогда сестра завязывает ему маску, натягивает перчатки. Они громко хлопают. Сквозь них видны узелки завязок на рукавах халата.

— Дайте наркоз, — говорит хирург.

Помощники дают наркоз.

Алики кажется, что она опять в самолете, в кресле. Ей тепло под шубой, и она уснула.

Сестры подкатили колесные столики с инструментами и лекарствами: надо, чтобы все было под руками.

Помощники включили приборы, которые будут следить за Алики, за ее сердцем, за ее дыханием, пока Алики спит. Будут помогать ей перенести операцию.

4

В коридоре приемного покоя больницы стоит женщина. Не отрываясь, смотрит на двери. Двери закрыты, ничего не видно.

Где-то там, в операционной, ее дочь. Маленькая Алики. Тонкая и гибкая, как жилка листа пальмы.

Женщина знает, что сердце дочери будет молчать двадцать минут.

И она молчит, волнуется. Слушает удары своего сердца.

Ждет.

В приемный покой вышел хирург.

— Ну что? — прошептала женщина по-английски.

Хирург ответил тоже по-английски:

— Уже полчаса, как работает ее сердце.

— Здоровое?

— Совершенно. Скоро она будет бегать, играть с детьми и танцевать, как танцуете вы.

5

Алики нужно окрепнуть. Она должна гулять в больничном саду. Ей подарили русскую шапку-ушанку и валенки-катанки.

Но Алики не гуляет. Сидит в палате и смотрит в окно. Не хочет. Боится снега и мороза. Плохо ест, плохо спит. Вялая и печальная.

На окнах нарисованы листья. Нет, это не тропический лес, где живут слоны. Белые джунгли нарисовал мороз. Он обманывает Алики. Он очень холодный, этот мороз. И снег тоже холодный.

Алики сидит в палате. Она не хочет выходить гулять.

Ее навещает мама. Говорит, что Алики нужно окрепнуть. Тогда на большом самолете они полетят домой, к морю. Дома Алики наденет яркую саронгу и будет танцевать гохар.

Алики говорит, что она старается окрепнуть. Только пусть не заставляют гулять по хрустящим облакам и дышать морозом.

Девочка должна гулять по этим самым хрустящим облакам и дышать морозом. Но как сделать, чтобы она гуляла? Чтобы перестала бояться зимы?

Повеселела!

Засмеялась!

Думал над этим хирург. Думали его помощники. Думали все в больнице.

6

Кто-то вспомнил рассказ Куприна «Слон».

Да, решил тогда хирург, нам тоже требуется слон. Живой, настоящий. Такой, о котором мечтала больная девочка Надя в рассказе Куприна. И который однажды пришел к ней в гости.

Но где взять слона? Настоящего, живого? Зимой!

Хирург позвонил по телефону в зоопарк.

— Слон имеется, — ответили ему. — Может ли он зимой ходить по улице? Конечно, может. Прогулки ему необходимы. Мороз? А у слона есть валенки. Да, настоящие валенки. И пальто есть. И шапка-ушанка. Но в зоопарке слон сейчас болен. У него воспаление мякоти бивня. Куда еще позвонить? В цирк.

Хирург позвонил в цирк.

— Слон? Имеется слон, но он уехал на гастроли. Куда еще позвонить? В зоопарк позвоните. Уже звонили? Тогда в Уголок дедушки Дурова.

7

Алики смотрит на окно.

— Внимательно смотри, — говорит по-английски хирург.

— Я смотрю внимательно, — отвечает Алики.

Вдруг окно закрыла огромная тень. Приблизилась.

— Роуг! — воскликнула по-малайски Алики. Она подбежала к окну.

За окном стоял слон. Настоящий, живой. Смотрел в больницу сквозь белые джунгли, нарисованные морозом.

— Роуг! Роуг!

Алики прыгала и смеялась. Тонкая и гибкая, как жилка листа пальмы.

8

Вокруг ограды толпился народ. По больничному саду гуляли слон и девочка.

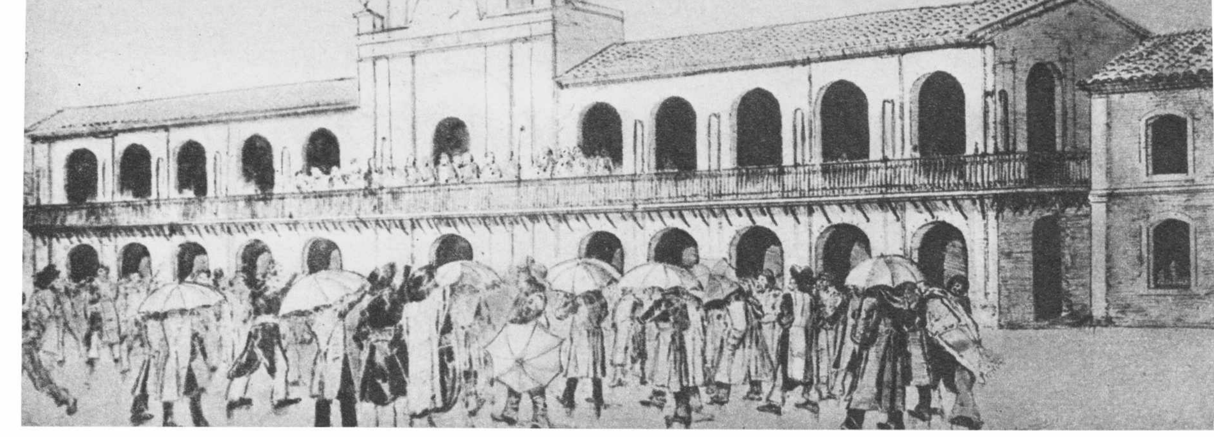
Слон был в пальто, в шапке-ушанке и в валенках. Девочка — в шубе, тоже в шапке-ушанке и тоже в валенках. Девочка была смуглой, нерусской.

Она шла рядом со слоном, смеялась, разговаривала.

Слон в ответ кивал головой. Казалось, что-то отвечал.

150 лет назад, в мае 1810 года, началась борьба аргентинского народа против испанского владычества — яркая страница освободительного движения в странах Латинской Америки.

Мария Роса ОЛИВЕР

Народ на Пласа Майор в Буэнос-Айресе в день 25 мая 1810 года. Со старинного рисунка.

ЗАРЯ НАД РИО-ДЕ-ЛА-ПЛАТА

В этот день, когда в Аргентине наступают первые холода, жители Буэнос-Айреса ежегодно слышат ранним утром артиллерийские залпы и далекие фанфары, возвещающие о народном празднике. И всем им хочется, чтобы в этот день солнце сияло сильнее обычного, освещая лазурно-голубые и белые знамена, развевающиеся на фасадах домов, в порту, на мачтах кораблей, в руках школьников. 25 мая народ Аргентины празднует годовщину революции, положившей начало независимости этой страны и других братских народов Латинской Америки.

Испанские завоеватели владели в Америке четырьмя вице-королевствами: Новой Испанией (Мексика), Новой Гранадой (северная часть Южной Америки), Перу, Рио-де-ла-Платой.

Вице-королевство Рио-де-ла-Плата почиталось самым бедным: там не было золота. Оно было и самым доступным для завоевателей: его туземное население, состоявшее из индейских племен, не представляло единого целого, подобно народу майя, инкам или ацтекам. Однако по широкой реке, которую испанцы вначале приняли за пресное море, можно было добраться до серебряных рудников Потоси (старое Перу, ныне Боливия).

В 1535 году на левом берегу этой реки испанцы построили поселок и назвали его Санта-Мария-Буэнос-Айрес. Позже он был объявлен столицей вице-королевства. Завоеватели, прибывшие в эти неведомые земли, жестоко расправлялись с местным населением. Постепенно они обзавелись семьями, взяв в жены темнокожих женщин с раскосыми глазами. Из метисов, мулатов, потомков испанцев, рожденных на новых землях, образовалось население Рио-де-ла-Платы, которое стало называть себя «американцами».

Народ подпал под двойной гнет: испанской короны в лице вице-короля, осуществляющего административную и военную власть, и католической церкви с ее «святой» инквизицией. Светская власть препятствовала тому, чтобы «американцы» пользовались богатствами своей земли, церковь держала их в невежестве. Церковь запрещала им под страхом смертной казни общаться с кем-либо из иностранцев, рассматривая это как угрозу «спасению их души». Но «американцы» испанских вице-королевств по-иному заботились о своем спасении. Их интеллигенция воспринимала идеи освободительной борьбы британских колоний в Северной Америке и Французской революции. Уже в 1790 году вице-короли Перу, Мексики и Новой Гранады сообщали в Мадрид, что «в умах американцев стали зарождаться идеи свободы и независимости, опасные для испанского владычества».

Между тем, потеряв колонии на севере, Англия стала искать новых рынков для своей процветающей промышленности. Испанское владычество в водах Ла-Платы стало поперек горла английскому капиталу. В 1806 году эскадра под английским флагом появилась у Буэнос-Айреса. Вице-король трусливо бежал вместе со своими чиновниками. Англичане подвергли город безудержному грабежу. Население же, почти безоружное, вступило в героическую борьбу с захватчиками, они были окружены внутри города и решительным штурмом принуждены к сдаче. Вторжение было повторено в следующем году — на Буэнос-Айрес обрушились силы англичан в восемь тысяч солдат. Но после ожесточенных уличных боев оккупанты вынуждены были снова убраться.

Ученый Александр Гумбольдт, путешествуя по тем местам, писал о креолах-земледельцах: «Народы Америки — настоящие нищие богачи. У них есть ложе из золота, для того чтобы спать, но нечем укрыться».

В те времена Буэнос-Айрес со своей крепостью, площадью Пласа Майор и несколькими церквами был похож на деревню. Низкие побеленные домики, немощеные улицы, во время дождя превращавшиеся в сплошное грязное месиво.

Но в кафе, в политических кружках, организованных молодыми земледельцами, в засаженных цветами двориках и на улицах, в мастерских ремесленников, на рынках все чаще и чаще слышалось слово «свобода». Зазвучали имена таких патриотов, как Мариано Морено, адвокат, душа будущей революции; Мануэль Бельграно, экономист, позже помощник Хосе Сан-Мартина, вождя войны за независимость; Корнелио Сааведра, проявивший большое мужество во время борьбы с англичанами; Кастелли, Виейтес и другие.

Знал ли каждый из этих людей, чего он хочет для своей родины? Пожалуй, это можно сказать только о Морено и Бельграно. Но всем было ясно, чего не хочет народ: господства вице-королей.

18 мая 1810 года вице-король Сиснерос выпустил манифест к народу. В манифесте он сообщал, что хунта, правившая именем короля Фердинанда VII (смененного на троне Испании Жозефом Бонапартом), пала, и просил «послушания и порядка».

Это требование вызвало в народе негодование.

Чьим же ставленником теперь является вице-король? Послушание — кому? На улицах раздавались крики: «Долой вице-короля!», «Смерть пришельцам!», «Собственное правительство!».

Пришло для патриотов время действовать. В ночь на 20 мая делегаты патриотов Кастелли и Мартин Родригес явились к вице-королю и заявили ему, что его «власть кончилась и народ сам решит свою судьбу».

Вице-король был в ярости, он стал угрожать. Кастелли спокойно ему ответил: «Того, что свершилось, уже не изменишь».

Вице-король рассчитывал, что это народное движение можно потопить в крови так же, как он и вице-король Перу сделали это год назад с восставшими в Чукисака и Ла-Пас. Однако, посовещавшись со своими военными советниками, вице-король счел за благо все-таки созвать собрание представителей города.

Собрание открылось 22 мая, но «народным» оно было только по названию. Среди 250 участников преобладали богатые люди, занимавшие военные, церковные и иные посты. Один из членов собрания, епископ Луе, крикнул: «До тех пор, пока в Америке есть хоть один испанец, он должен повелевать американцами!»

Другие настаивали на том, чтобы в осторожном воззвании к народу упомянуть о «гордом и великодушном народе Буэнос-Айреса», в то же время призвать народ «избегать всяких нововведений и изменений», поскольку «опасно впадать в крайности».

Потом прошло голосование. Подавляющее большинство высказалось за то, чтобы вице-король отказался от своих прав. Затем была назначена хунта — комитет из шести человек, представителей знати, на которых возложили задачу сформировать новое правительство. Мариано Морено прекрасно знал стремления этих шести «знатных». Уходя с собрания, он заявил: «Нас предали!»

На Пласа Майор все громче раздавались протестующие возгласы. В трех кварталах города началось восстание. Под напором масс 24 мая хунта подала в отставку. Снова пришлось созвать собрание представителей города.

Двадцать пятого мая, несмотря на проливной дождь, почти все сорок три тысячи жителей Буэнос-Айреса собрались на Пласа Майор перед крепостью.

Гул голосов на площади все нарастал: депутаты заседали слишком уж долго. Подталкиваемая нетерпением тысяч людей, группа юношей стала стучать в дверь, крича: «Народ хочет знать, о чем вы там говорите!»

Кто-то вышел на балкон успокоить народ. Но народ успокоился только тогда, когда была выполнена его воля: создано временное правительство провинции Рио-де-ла-Плата. Мирная революция победила.

Однако понадобилось еще шесть лет вооруженной борьбы, чтобы окончательно была провозглашена независимость «Соединенных провинций Ла-Платы», потом преобразованных в федеративную республику Аргентину. В 1817 году армия под водительством Сан-Мартина совершила свой героический поход через Анды и разгромила испанских оккупантов в Чили и Перу. Это положило начало независимости стран Южной Америки.

Но когда нет экономической независимости, политическая независимость — лишь подделка.

Сейчас речь идет о том, чтобы Аргентина стала хозяином своего национального достояния. Это — требование моего народа. Но снова ему советуют «избегать всех новшеств и изменений», снова ему говорят об опасности «впадать в крайности»...

Но народ Аргентины, точно так же как и другие народы Латинской Америки, все меньше прислушивается к голосу монополистических волков.

Мы понимаем значение нашей борьбы, начало которой было положено 25 мая 1810 года. Мы сумеем, если нужно, отстоять завоеванную независимость. В наши дни народ учится распознавать, кто его враг и кто настоящий друг. Вместе с остальными народами Латинской Америки мы будем бороться за свою экономическую независимость, за мир, за мирное сосуществование всех народов на земле. Ибо ни в одном уголке земного шара ни под крышей, ни на голой земле люди не могут спать спокойно, пока нет прочного мира.

Буэнос-Айрес.

С добрым утром!

Л. КАФАНОВА Фото Я. РЮМКИНА.

Еще только без десяти семь, а уже сторож баба Таня спешит отпирать двери. Первыми, как всегда, приходят Евдокия Никифоровна и Виктор Викторович Семеновы, рабочие завода «Калибр», со своим сынишкой девятимесячным Леней. Леня таращит большущие синие глаза, улыбается, показывая все свои четыре зуба, и доверчиво тянет ручонки к Нине Николаевне Сальниковой — воспитательнице. Малыш уже привык по утрам разлучаться с родителями и оставаться на весь день здесь, в светлой комнате, среди забавных игрушек, ярких картинок. Он сыт, ему тепло и весело.

Снова и снова открываются двери... Приносят Наташу Гайворонскую. Еле поспевая заплетающимися ножками за мамой, идет Дима Шведерман. На «персональной машине», в коляске, приезжает Леша Князев. И вот уже все вокруг звенит разными голосами, чаще веселыми, иногда капризными. Начинаются полные больших и маленьких забот будни яслей.

Пять месяцев назад за Рижским вокзалом, на бывшем пустыре, рядом с огромными жилыми корпусами вырос двухэтажный кирпичный особняк — новые ясли на 120 детей. Когда попадаешь в этот нарядный, уютный домик, сразу радует обилие света. В комнатах нет ни одного затемненного уголка. На полу, на пестром ковре, играют дети. Две девочки с белыми воздушными бантами на коротеньких волосах кормят большую, изрядно потрепанную куклу. Над столиком склонилось несколько мальчишеских голов: просто необходимо загнать в гараж легковой автомобиль! И не ждите, пожалуйста, посторонние, что, когда вы войдете в комнату, малыши бросят игру и с любопытством посмотрят в вашу сторону. Они не обратят на вас никакого внимания, а это, по утверждениям педагогов, первый признак того, что дети чувствуют себя спокойно, что им интересно. Потому так и полюбили малыши свои ясли. Рассказывают, что нередко, когда за детьми приходят родители, начинаются своеобразные «концерты»: малыши не хотят домой.

— Ну почему ты плачешь? — спросили двухлетнего Юру Мельникова. — Разве тебе дома плохо?

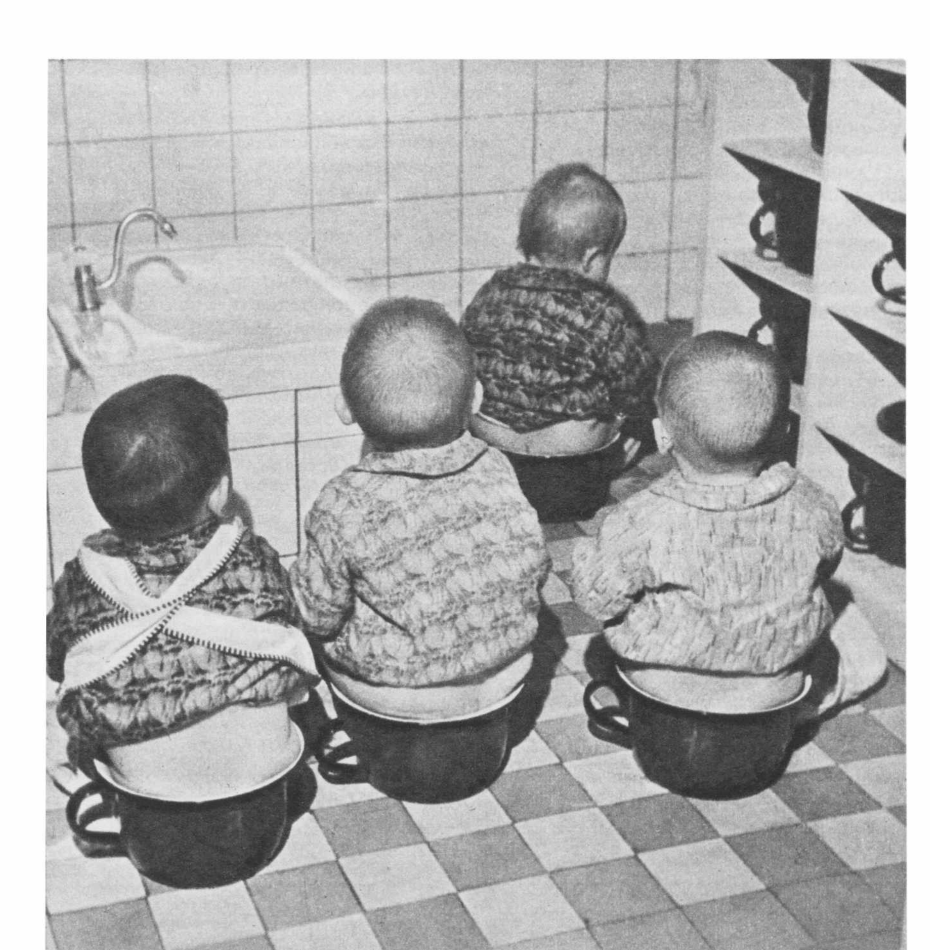
— Дома скучно! — ответил Юра и заревел еще громче.

— На глазах меняются наши дети,— говорит ясельный врач Римма Ованесовна Аракелянц.— Взгляните, например, на Оленьку Горскую. Какая она веселая, приветливая! А когда ее привели к нам, это была капризная, плаксивая девочка. Она плохо ела, ничего не умела делать. Теперь же Оленька сама ест, умывается и даже раздеваться научилась.

В кропотливых, неприметных с первого взгляда делах быстро летит время. Вот уже и вечер. Ребят из дневных групп разобрали по домам, в суточных группах идут приготовления ко сну.

...Незаметно пробрался в ясли всем известный Угомон. Он взмахнул своим волшебным покрывалом, и сразу угомонились малыши, уснули. Не спит только ночная сестра тетя Катя. Она разбирает детские вещи, аккуратно складывает на стульчиках одежду, еще и еще раз обходит кроватки, следит, не раскрылся ли кто во сне. Сладко спят малыши, и, наверное, снятся им чудесные сны.

1

Ходить Люба Кузьмина еще не научилась, зато с горки кататься — пожалуйста!

2

Надя Мешкова и Вова Абрамов умеют умываться сами. И только в ответственные моменты приходит к ним на помощь воспитательница Ирина Григорьевна Бэер.

3

. . . .

4

Судя по выражению лиц, Жене Грановскому гораздо приятнее катить петуха, чем Сереже Вахрину сидеть в седле.

5

Что правда, то правда: аппетит приходит во время еды.

6

Андрюша Вятский поправился на 900 граммов. Хорошо!

6

4

5

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

М. СЕМЕНОВ

Эволюция охоты

На мамонта с палицею и камнем.

Вопросы, поднятые в опубликованной в четвертом номере журнала «Огонек» обзорной статье «Об охотниках до охотничьих обществ», некоторые читатели восприняли трагически: быть или не быть? Иными словами, должны ли по-прежнему процветать и развиваться охотничьи общества или дальнейший их рост следует както ограничить. При этом часть читателей, как это бывает в споре, высказала самые крайние и потому непримиримые точки зрения.

Журнал «Охота и охотничье хозяйство» статью «Огонька» назвал в пылу полемики «творением явно недобросовестным и вредным». Об авторе этой статьи В. Сергееве журнал говорит буквально следующее: «Только человек, не понимающий смысла жизни и попирающий гражданские права, мог прийти к таким нелепым выводам — распустить охотничьи коллективы, закрыть спортивную охоту вообще».

Узурпатор, не понимающий к тому же смысла жизни,— такова первая точка зрения.

А вот вторая: В. Сергеев — сторонник полумер, он выражает мнение людей, привыкших в деле охраны природы полагаться только на уговоры.

«В статье «Об охотниках до охотничьих обществ»,— пишет Н. Яремчук из Львова,— некоторые товарищи выступают с предложением об ограничении охотничьих обществ, но это ограничение, по моему мнению, является полумерой. В целях сохранения живой природы предлагаю: запретить любительскую охоту по всей территории СССР сроком на 10—15 лет; запретить продажу охотничьих ружей на этот же срок; сократить охотничьи общества на 50—80 процентов, оставив аппарат контролеров; лиц, появившихся на полях, болотах и т. д. с охотничьими ружьями, считать браконьерами и привлекать к строгой ответственности».

Но кто же все-таки прав: те, кто людей, выступающих за ограничение охоты, называет узурпаторами и ратует за соблюдение «гражданских прав», или, наоборот, те, кто высказывается за самые крайние и «жестокие» меры в отношении любительской охоты? На чьей стороне правда?

ЕСЛИ РАЗОБРАТЬСЯ НЕТОРОПЛИВО...

Говорят, что горячность — плохая помощница в споре. Это верно. Только горячностью оппонентов «Огонька» можно объяснить их гневные возражения против роспуска охотничьих обществ. Эти возражения совершенно неосновательны хотя бы потому, что ни в одном из приведенных в «Огоньке» высказываний читателей просто не говорилось о намерении распустить охотничьи общества. Громкое словечко «распустить» придумали в запальчивости сами оппоненты! Одна ошибка часто рождает другую. Если некоторые читатели «Огонька» резко и откровенно критиковали недостатки в деятельности отдельных охотничьих обществ, то авторы статьи в журнале «Охота и охотничье хозяйство» безудержно восхваляют их. Но вряд ли такая позиция правильна и полезна.

Однако не будем дальше касаться высказанных в споре крайних позиций. Попробуем разобраться в затронутой проблеме спокойно и неторопливо...

Зададим прежде всего такой вопрос: все ли безупречно в существующей у нас системе охоты и охотничьего хозяйства, все ли благополучно в обществах охотников? К сожалению, этого сказать нельзя.

Многие читатели, откликнувшиеся на выступление «Огонька», расценили включенный в обзор рассказ А. Китасова о первом дне охоты неподалеку от Харькова как фантастический. Не может быть, утверждают они, чтобы в одном месте собралось около пяти тысяч охотников, которые к десяти часам утра уничтожили все способное летать и плавать.

Но вот другое, не менее красочное описание первого дня охоты.

«13 августа 1959 года, в день открытия охоты,— пишет в «Огонек» старый охотник из Запорожья,— мы поехали за Мелитополь, где на берегу Азовского моря расположен так называемый Молочанский лиман. Площадь

На тигра с копьем.

Писатели и книги

Радость узнавания

В критической оценке нового романа Георгия Березко «Сильнее атома», его достоинств и отдельных недостатков, критика на редкость единодушна, и это единодушие отвечает существу дела. Георгий Березко действительно верен армейской среде. Художественное изображение армейских будней в литературе встретишь не часто, и в этом отношении роман Г. Березко — редкая удача. Нужны творческая смелость и знание предмета, чтобы не ограничиться бытописательством, а ввести в роман профессиональные споры, раскрывающие интеллектуальную сторону жизни армии. Гуманистический пафос — неотъемлемое достоинство произведений советских писателей об армии и войне.

Но в перечислении многих черт того или иного произведения у нас часто тонут качества таланта писателя, только ему одному принадлежащие. И, не берясь излагать в коротком отзыве содержание большого романа, мы хотим лишь указать на отличительные качества дарования Березко, которые делают чтение его книг занятием содержательным, доставляющим большое удовольствие. Качества эти — пристальный интерес к работе сознания, душевная доброта автора, умение рассказывать занимательно об обыкновенной жизни людей.

Вот почему так увлекательно читать про молодого солдата Андрея Воронкова, в борениях познающего непривычные для избалованного жизнью юноши тяготы армейской жизни и законы солдатского долга. Кстати, внимание к юношеской психологии и любовное изображение ее также составляет один из оттенков дарования Березко (стоит вспомнить новичка Уланова в «Ночи полководца», юных героев «Мирного города»).

В новом романе такое изображение, на наш взгляд, становится более искусным. Конфликт между командиром дивизии Парусовым, считающим основой воинской доблести «рефлекс повиновения», и начальником политотдела Лесуном, стремящимся воспитать в солдате коммунистическую сознательность, инициативу, опереться на его человеческое достоинство, не столь уж нов, но их теоретические споры и практические действия обретают живой интерес благодаря обрисовке внутреннего мира этих героев.

Общему гуманистическому пафосу романа (такой пафос часто оказывается слишком общим и потому холодным) придает особый волнующий оттенок душевная доброта автора, сказывающаяся как в отношении к героям, так и в озабоченности судьбами человечества. Она порождена не просто мягкосердечием, а доверием к своему советскому современнику, тем вынесенным из жизненного опыта убеждением, что все за мгновение до подвига были «простыми», маленькими, обыкновенными».

Это убеждение нашло, в частности, художественное выражение в образе скромного и неприметного, внешне даже малопривлекательного в его будничной жизни старшины Елистратова, героический поступок которого побуждает Андрея Воронкова к пересмотру своих эгоистических взглядов на жизнь и окружающих. Именно вера в человека делает Березко непримиримым по отношению к Парусову.

Да, критика права, укоряя автора в том, что конфликт Парусова решается им в административном порядке, но этот упрек не отменяет того, что образ написан превосходно, со всей личной, вложенной в него страстью отрицания этого наполеончика.

Меньше всего мы собираемся говорить о занимательной стороне романа, предоставляя читателю самому убедиться в искусстве автора сообщать захватывающий драматизм повседневным эпизодам солдатского быта и боевой учебы. Ну что, право, за охота, пересказывая их, лишать читателя радости первого узнавания, того волнения и трепета, с какими он, несомненно, прочтет и о метаниях Андрея Воронкова и историю солдата Агеева и приобщится к переживаниям героев в ночь инспекторской проверки, к их настроению, в передаче которого автор неожиданным приемом достигает заражающей изобразительной силы!

А. МАКАРОВ

Георгий Березко. Сильнее атома. Роман. «Знамя», 1959, №№ 9, 10, 11.

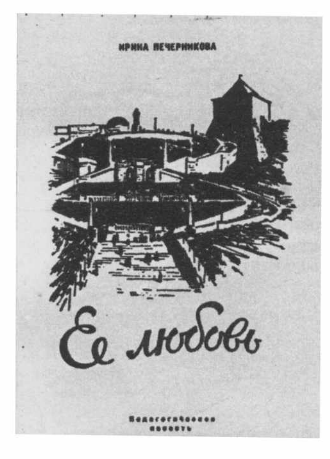
Думая о людях...

Благородство души, честность, верность коммунистическим идеалам — такими качествами наделила писательница Ирина Печерникова героиню своей повести Аленушку. Повесть называется «Ее любовь», вышла она в Горьковском издательстве.

Пионервожатая Аленушка Некрасова — Елена Матвеевна, как называют ее пионеры,— ежедневно сталкивается с трудностями. Вот приходит в школу «новенькая», Юля Прасова. «Принцесса» — так дразнят Юлю ребята. Изнеженная, не приспособленная к жизни, девочка еще не знает настоящей дружбы, не умеет уважать товарищей. Ребята сразу же резко и непримиримо выступают против Юли.

В борьбе за чистоту и благородство души школьников, воспитывая в них цельность, уважение к людям, формируется и крепнет характер самой Аленушки. В повести И. Печерниковой, безусловно, есть слабые места, иногда не глубоко разработаны характеры героев, но это искренняя книга о том, как чутко надо воспитывать в детях верность нашим идеалам, ненависть к праздности и лжи, любовь к жизни, к труду.

К. АЛЕКСАНДРОВА.

его — около 400—500 гектаров, заросшая камышом и кугой. Это — единственное место на юге Украины, где находит отдых и пищу водоплавающая дичь: утка, лысуха, а также кулики и чайки.

Когда мы подъехали к лиману, то увидели, что здесь не только охотникам трудно разместиться, но даже негде вблизи поставить машину. Из трех областей съехались охотники на автомобилях, мотоциклах, велосипедах. Вокруг лимана образовалась сплошная цепь стрелков. Кроме того, на самый лиман выехали десятки надувных лодок, а в камыши забрались сотни других охотников в водонепроницаемых костюмах.

Канонада была непрерывной. В результате после вечерней и утренней зари в лимане не осталось ничего живого. Везде на траве лежали брошенные убитые чайки и другие несъедобные птицы. Разве можно назвать это охотой? И нужна ли такая «охота», что она дает как спорт?»

Пишет педагог, член общества охотников с 1925 года А. Гусев:

«В дни открытия охоты происходит не охота, а массовое истребление всего живого. Бьют без всякой нормы, бьют все живое подряд! Когда грузовые машины с многочисленными охотниками уезжают в воскресенье вечером, то мертвая тишина царит над пустыми угодьями. Среди истоптанного, исковерканного камыша и очерета, у остатков костров обнаруживаешь обилие битых бутылок из-под водки да перья, как свидетельство «достижений» истребителей-спортсменов».

Москвич В. Голубушкин рассказывает о таком факте:

«В конце декабря прошлого года вернулся из отпуска мой товарищ по работе, восемнадцатилетний парень. Я спросил его, чем он занимался во время отпуска. Он ответил, что охотился с товарищами в районе Домодедова, Московской области. Выпустили около сотни патронов и убили шесть птиц. Что это за птицы, он сказать не мог. Судя по описанию их оперения, это были дятлы, синицы и снегири. На мой вопрос, зачем он убивал полезных птиц, он ответил: «Откуда я знаю, какие из них полезные и какие вредные. Не пустыми же нам было возвращаться с охоты!» Между прочим, паренек этот является членом Московского общества охотников».

«Охотник — не расточитель, а друг природы» — так озаглавлен ответ обозревателю «Огонька» в журнале «Охота и охотничье хозяйство». Под этими словами, конечно, подпишутся все охотники — истинные любители природы, в том числе и автор этих строк, занимающийся охотой с детства. Но как же согласовать эти высокие и правильные слова с приведенными выше фактами? Не говорят ли они о том, что в наших обществах охотников не все благополучно, не все идеально, о том, что кое-где укоренился чуждый нам дух стяжательства?

Именно об этом пишут в «Огонек» читатели Г. Степанов (Якутская АССР), В. Николаев (Псковская область), И. Бойков (Сталинградская область), В. Кудинов (Москва), Н. Потанин (Житомирская область), А. Векленко (Днепропетровская область), Н. Карновский (Северо-Казахстанская область), Г. Бирюков и А. Винников (Уральск) и другие.

Старший охотовед Оренбургской охотинспекции А. Хмелевский приводит интересные расчеты.

В Оренбургской области насчитывается около двадцати пяти тысяч охотников. Ежегодно на каждом квадратном километре охотничьих угодий производится в среднем две тысячи выстрелов. «Может ли в таких условиях размножаться дичь?» — спрашивает А. Хмелевский и отвечает: — Безусловно, нет. Бесспорно, что наши охотничьи угодья без ущерба для воспроизводства не в состоянии вместить такого большого количества охотников».

Но как же все-таки быть? Неужели в самом деле следует отказаться от любительской охоты?

ЗА ОХОТУ, ЗА ОХОТНИЧЬИ ОБЩЕСТВА!

— Нет и нет! — говорят авторы многих писем. И приводят веские доводы в защиту своей точки зрения и, главное, убедительно рассказывают о большой и плодотворной деятельности ряда охотничьих обществ.

Перед нами коллективное письмо военных охотников из Одессы. Красноречивее всяких слов говорят приведенные в письме цифры.

За последние два года охотники Одесского военного общества построили 1 850 искусственных гнезд, посеяли ремизы площадью 1,75 гектара, уничтожили 5 671 пернатого хищника, 48 волков, 710 лисиц, построили десятки кормушек для копытных животных, оборудовали для них места водопоев и т. д.

Кто же может сказать, что существование такого общества охотников неоправданно!

А вот другие факты. Общество охотников Карельской АССР в прошлом году посеяло вблизи озер с водоплавающей дичью несколько гектаров проса, накосило в лесах для подкормки лосей несколько тонн сена. Московское общество охотников в нынешнем году выпустит в лесные и болотные угодья 44 тысячи фазанов и уток, завезенных из других районов страны, 79 тысяч куропаток, рябчиков...

Многие авторы справедливо пишут о том, что охотничья общественность является главной опорой в борьбе с браконьерством, с хищными зверями и птицами, наносящими огромный урон фауне.

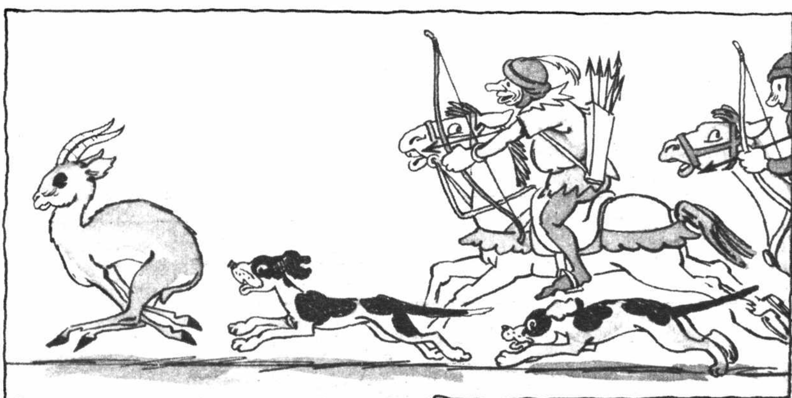
«Нет, мы за любительскую охоту, за охотничьи общества!» — пишут в «Огонек» Ю. Щеголев (Московская область), Л. Губанов (Брянская область), Н. Зверев (Ставропольский край), а также представители охотничьих обществ из Тулы, Саратова, Кургана, Ульяновска и других мест.

«Кто восстановил поголовье лося, коз, бобров и других зверей и животных?» — спрашивает старый охотник Ф. Войцеховский из Вильнюса.— Кто ограничил уничтожение редких птиц и животных? Кто заселил редким зверем и птицей места, где они никогда не водились? Кто ведет борьбу с двуногими хищниками — браконьерами? Кто заботится о подкормке зимой целого ряда птиц и зверей? Это они, охотничьи общества и охотники».

С этим письмом перекликается коллективная статья ленинградских охотников: «Не маниловскими воздыханиями об истреблении птиц и животных можно улучшить ведение охотничьего хозяйства, а путем организации его. Чем крепче будут общества охотников, тем меньше будет браконьеров, ускользающих от общественного контроля».

Вывод логичный и, вероятно, единственно правильный. Закрепление охотничьих угодий за отдельными обществами и коллективами охотников, которое проводится сейчас повсеместно, поможет решить проблему воспроизводства фауны и наведения необходимого здесь порядка. Конечно, при том условии, если каждое общество или коллектив будет настоящим хозяином угодий — дальновидным, рачительным, заботливым.

Но одной этой меры мало.

На джейрана с луком.

ЧТО ПРЕДЛАГАЮТ

Прежде всего авторы писем в «Огонек» в один голос говорят о том, что нужно восстановить во всем его большом значении звание охотника, кое-где сейчас очень приниженное. Правильно пишет Л. Волчек из Минской области, что «для охотника-любителя, охотника-спортсмена не столь важно количество убитой дичи, как то удовольствие, которое он получит, побыв после напряженной трудовой недели среди природы. Это лучший отдых».

«Охота,— говорит москвич Н. Бобров,— прекрасный вид спорта, укрепляющий здоровье человека, развивающий выносливость, любовь к природе и другие весьма ценные для человека качества. День, проведенный на охоте, дает зарядку на неделю».

В одном из писем приводится такой интересный эпизод. Группа охотников возвращается из леса. Прохожий спрашивает у них:

— Ну, что убили?

И наиболее находчивый отвечает:

— А что, разве мы похожи на убийц? Нет, браток, не за тех ты нас принял!

Меткий ответ!

И все же... Есть в наших обществах люди, которых привела сюда либо жажда наживы, либо желание «пострелять» во что-нибудь, а то и просто возможность на «законном» основании выпить на лоне природы. Вот от таких-то «охотников» читатели и предлагают избавиться. И впредь не принимать в члены Союза охотников людей без разбора — лишь бы было побольше, лишь бы выполнить финансовый план по членским взносам!

ОРУЖИЕ. Необходимо упорядочить продажу охотничьих ружей и боеприпасов. Правом на это должны пользоваться только члены Союза охотников. Полностью должна быть прекращена продажа населению (за исключением районов промысловой охоты) мелкокалиберных винтовок.

СРОКИ ОХОТЫ. Большинство авторов справедливо находит, что сроки эти у нас слишком продолжительны, а осенние охоты открываются чрезмерно рано.

КОНТРОЛЬ. Вновь и вновь ставится вопрос: надо объединить инспекции — охотничью, рыбную и лесную. Это же парадоксально, когда рыбинспектор печется о сохранении рыбных запасов, но равнодушно смотрит на варварское истребление водоплавающей птицы.

ПРИГОРОДНЫЕ ЗОНЫ. Читатели С. Лавров (Московская область), Ю. Бурачек (Киевская область) и многие другие требуют навести порядок в зеленых зонах, расположенных вокруг крупных городов. Каждый выстрел, раздавшийся в пригородном лесу, роще, должен расцениваться местными советскими органами как чрезвычайное происшествие!

И, наконец, буквально все читатели настойчиво требуют резко усилить воспитательную работу в охотничьих обществах и коллективах.

НЕ ЗАБЫВАТЬ ОБ ЭТИКЕ!

Действительно, в наших обществах ведется слишком мало разговоров о морально-этической стороне охоты.

Чем она интересна, почему ей посвящают свой досуг сотни тысяч людей? Помимо прочего, она увлекает своей чисто спортивной стороной. Ведь, в самом деле, на охоте происходит увлекательное состязание между человеком и зверем, птицей. На одной стороне — опыт, сноровка, знание повадок и привычек той или иной дичи, на другой — врожденный инстинкт самозащиты. Как и во всяком соревновании, результат заранее предугадать невозможно. Иногда побеждает человек, а иногда ему самому приходится считать себя побежденным. И вот в этом умении признать себя побежденным проявляется истинное благородство и гуманизм человека-охотника.

Но почитайте помещенный в том же третьем номере журнала «Охота и охотничье хозяйство» рассказ С. Павлова об охоте на лося. Вся обстановка этой, с позволения сказать, охоты производит крайне отталкивающее впечатление.

Прежде всего вызывает удивление тот факт, что перед выходом в лес было условлено взимать с участников охоты штрафы: «за промах — штраф 50 рублей, за пропуск лося без выстрела при благоприятных условиях для стрельбы — штраф 100 рублей». Но вот охота началась. «С приближением загонщиков к середине мелколесья,— пишет автор,— три крайних номера — я, Пушкин и Энкович — увидели лосей, идущих к линии стрелков под углом 30 градусов.

Поравнявшись с Энковичем, бык перепрыгнул канаву, направляясь поперек дороги в интервале между Энковичем и Пушкиным...

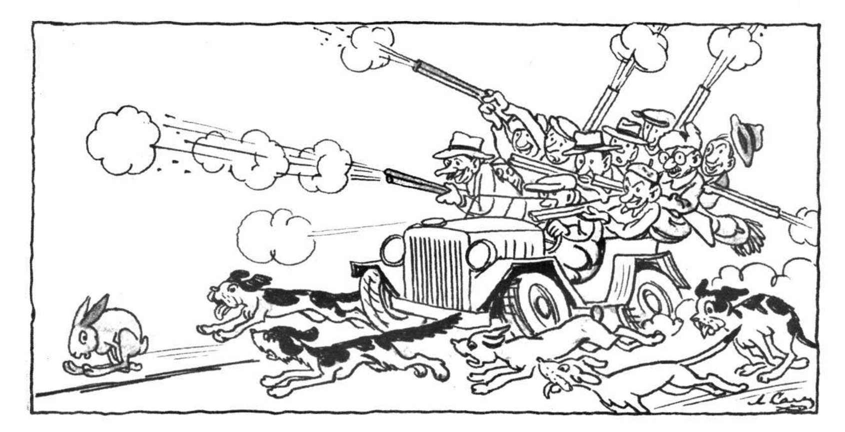
Энкович выстрелил с дистанции 30—40 метров, целясь в грудь, но унизил, и пуля ушла под ноги зверю. Пушкин также выстрелил по уходящему лосю, но промазал.

Собравшись, участники обследовали следы и, не обнаружив крови на них, решили с Энковича взять штраф в сумме 50 рублей за промах, а с Пушкина штрафа не брать, так как он стрелял по уходящему на большой скорости лосю, что резко снижало вероятность попадания».

Что же дальше? Может быть, участники поездки честно признали свое поражение и отправились восвояси? Не тут-то было! Далее следует насыщенный натуралистическими подробностями рассказ о том, как на следующий день лоси были обложены вновь и как несколькими выстрелами бык все-таки был убит.

Хочется спросить уважаемых охотников, редактирующих журнал: каково же воспитательное значение такого рассказа и какое действие может оказать он на охотников, в особенности на молодых? А ведь журнал нередко помещает такого рода материалы! Воспитание гуманного, заботливого отношения к природе, неутомимая работа по воспроизводству охотничьей фауны — вот что должно быть самым главным и решающим в деятельности охотничьих обществ.

Этим пожеланием и хотелось бы закончить статью.

На зайца с ружьем.

Изошутки Л. САМОЙЛОВА.

Пирожки с потрошками

Рассказ

Алексей КОРКИЩЕНКО

Павлик лежит в одних трусиках на самом краю высокого обрыва, загорает. Внизу, у подмытого берега, по-стариковски что-то бормочет обмелевший Дон; а когда мимо проходит катер или пароход, там раздаются негромкие всплески, будто сидят на песчаной кромке ребятишки и хлопают мокрыми ладошками.

Тихо и жарко. Даже от реки не веет прохладой. Разморило Павлика. Он лениво, одним глазом смотрит на нижний берег, где тает в знойном мареве серебристый ольховый лес, и мечтает. Вот если бы у него вдруг выросли крылья! Он полетел бы до самого Цимлянского моря, о котором много слышал, а ни разу не видел. По пути он снизился бы над полевым станом, где работает отец. Все смотрели бы на него снизу, удивлялись, а он, Павлик, кричал бы: «Это я, папа, это я!..»

— Па-ав-ли-ик! — неожиданно слышит он и морщится.

Ну и голос у бабки Аксютки! Сама старая, а голос молодой, звонкий, пронзительный. В иной тихий день закричит она, зовя Павлика,— эхо отдается в ольхах за Доном.

— Па-ав-ли-ик! — раздается ближе, из подсолнечника.

Павлик затыкает уши. Зачем это он понадобился ей в такую жару? Сама беспокойная и другим покоя не дает! В любую погоду бегает, как неприкаянная, из куреня на баз, оттуда на огород, на Дон. Мотается туда-сюда, а зачем — неизвестно.

Бабка выходит из подсолнухов, зовет:

— Па-ав...— но вдруг замечает его и осекается.

Внук сидит и равнодушно смотрит в сторону.

— Да я же тебя гукаю! — кричит бабка Аксютка.

Ей непонятно, как это можно спокойно сидеть, когда тебя зовут.

— Я же тебя три раза кликала! — возмущается она.

Маленькая загорелая бабка Аксютка устремляется к Павлику с намерением, очень понятным для него. Однако внук спокойно наблюдает за бабкой, а когда та уже протягивает к нему руки, он, мгновенно вскочив, прыгает с кручи в воду.

— Ах ты хулиган! — кричит бабка вслед.

Слышится громкий всплеск, а через минуту метрах в десяти от берега выныривает Павлик и громко смеется.

— А! Ты еще насмехаешься над родной бабкой! — Она грозит ему сухой загорелой рукой.— Вот явишься домой, я тебя приберу к рукам! Будешь ты у меня по ниточке ходить! — И, поглядев, как беззаботно Павлик поплыл вдоль берега по течению, проворчала: — Воспитуешь, воспитуешь его, а ему байдуже!..

Приложив ладонь козырьком к глазам, бабка зорко осматривается вокруг. Там, где Дон поворачивает круто влево, находится песчаный остров. Белоснежная гусиная стая сидит в тени ив.

— Ге-ге-ге-ге! — кричит бабка Аксютка, подражая гусиному крику.

Она выдрессировала вожака являться на ее зов. Когда он приводит стаю без задержки, бабка кормит его вкусной мешанкой с луком, если же гусак оставляет ее сигналы без внимания, она угощает его хворостиной. Гусь в конце концов запомнил, что лучше. На этот раз он откликается не сразу.

— Ге-ге-ге-ге! — еще громче зовет она.

В лесу отдается: «Э-э-э-э-э»,— и Павлик, перевернувшись в воде на спину, оглядывается. «Здорово у нее получается. Как у настоящей гуски!»

Гусак, наверное, вспомнил мешанку с луком, отвечает: «Ге-ге-ге-ге».

Затем важно идет к воде. Гусыни просыпаются, машут крыльями и, вытягивая шеи, вперевалку следуют за ним. Убедившись, что стая плывет через старое русло в сторону станицы, бабка Аксютка возвращается на огород.

...Под вечер сильно проголодавшийся Павлик пришел домой. Он осмотрелся, но нигде не заметил бабки.

«Наверное, пошла к соседке»,— подумал он и воровски прокрался в курень. Исследовал все кувшины и горшки, однако ничего съестного не нашел. Поразмыслив минутку, он короткими перебежками пересек двор и открыл дверь низенького погреба, крытого камышом. Оттуда пахнуло прохладой. Павлик юркнул в люк и спустился по лесенке. На днище перевернутой кадушки стояла пузатая макитра со сметаной. Мальчик жадно облизнулся и, не мешкая, запустил туда руку.

— Ты шо там робишь? — вдруг раздалось в погребе, и тень бабки Аксютки зловеще нависла над ним.

— Ой! — вскрикнул он и резко выдернул из макитры руку.

Она качнулась и с мягким треском шмякнулась на каменный пол. Густая сметана, накопленная за неделю, медленно поползла из-под черепков. Павлик несколько мгновений испуганно следил за ней.

— А-а-а-а! — завопила бабка Аксютка.

Павлик заметался по погребу, затем взлетел по лестнице наверх и с разгона шмыгнул мимо ошеломленной бабки. Прокатившись кубарем по двору, он вскочил, метнулся к подсолнечникам, к спасительному Дону, но бабка бросилась наперерез. Тогда он выскочил за ворота и стремглав помчался по улице, петляя, как заяц, и на бегу слизывая сметану с руки.

— Держи-и-и его! — закричала бабка и, забыв о возрасте, побежала за ним.

Сухонькая, проворная, в стареньких, стоптанных черевиках, она бежала легко и быстро. Не заправленная в юбку кофта без рукавов надулась за ее спиной пузырем. Жиденькие седые волосы, обычно скрученные на затылке узлом, растрепались.

Внук и бабка бежали по пыльной улице, не обращая внимания на насмешливые окрики соседей. Дед Никодим, который почти весь день сидел на завалинке под плетнем в огромной соломенной шляпе, издали заметив бегущих, рассудил:

— А ведь Аксютка мальца перегонит.

Когда бабка поравнялась с ним, он крикнул ей:

— Ты куда, кума? За сахаром?..— и, задумчиво поглядев вслед, припомнил, что в молодости она бегала быстрее всех.

На выгоне перед школой бабка Аксютка поймала непослушного внука. Она зажала его голову между ногами и больно побила сухой, морщинистой рукой.

— Не шкодь, не шкодь! — приговаривала она, отдышавшись.— Слушайся бабку, слушайся!

Обессиленный Павлик не делал никаких попыток вырваться и молчал, потрясенный расправой на виду у всей станицы. Представив, как будут насмешничать по этому поводу его одноклассники, он застонал от горя.

— Да ты хоть заплачь! Я ж воспитую тебя... Я ж твоя родная бабка... Мать приедет из дома отдыха, что я ей скажу?

Обманув бабку мнимой покорностью, Павлик рывком освободился и, отбежав в сторону, показал ей язык. Глаза его влажно блестели, но он не плакал. Оба загорелые, горбоносые, страшно недовольные, бабка и внук молча смотрели друг на друга.

— Ты ж моя родна кровинка! — вдруг жалобно заговорила бабка.— Пойдем домой, я тебя покормлю... Голодное дите весь день. Пойдем, внучек! А сметаны я еще соберу, и мать не узнает... Ну, разгневал ты меня... Чего уж там... Пойдем, деточка...

Павлик заплакал, нырнул в кусты бузины и пропал с глаз. Бабка Аксютка, покачивая головой и ругая себя старой дурой, торопливо пошла домой. Павлик долго лежал в старом окопе среди лопухов. Обида на бабку не проходила.

«Не любит она меня,— думал он.— На улице побила... Ну и пусть не любит!.. И я не буду любить ее».

Назло бабке Павлик решил ничего не есть. Он похудеет, а когда отец и мать вернутся домой, обязательно скажут ей: «До чего вы довели пацана?!»

Домой Павлик пришел, когда уже стемнело, и сразу же забрался на скирду пахучего сена. Там, как всегда, лежала старая отцовская шуба. Павлик уже улегся, как вдруг наткнулся на что-то круглое. Ощупал: сито.

«Зачем оно тут?» — подумал он. Сунул руку в сито, и пальцы нащупали что-то теплое и мягкое. Павлик нагнулся. Понюхал. Запахло таким вкусным, что у него закружилась голова. Это были его любимые пирожки с потрошками, еще свежие. Видно, бабка Аксютка недавно их сюда положила.

Сняв теплую тряпочку, прикрывавшую сито, Павлик присмотрелся: тут еще стояла стеклянная банка с молоком. Он машинально взял пирожок, раскрыл рот и, проглотив слюну, отвел руку в сторону.

Несколько раз он подносил пирожок ко рту и опускал руку. Но уже не потому, что дал слово не есть до возвращения отца и матери. Павлику было стыдно.

«Сколько я сегодня шкодил! — думал он.— И гусей не пас, и макитру со сметаной разбил, и бабку не слушал. А она мне пирожков с потрошками напекла... Нет, я не буду худеть. Вот сейчас съем все пирожки, а завтра скажу ей: «Бабушка, ты не думай, что я не понимаю. Я все понимаю, правда! И если хочешь, буду по ниточке ходить...»

Обдумав все обстоятельно, Павлик со спокойной совестью съел все пирожки и выпил молоко. Затем лег под шубу и стал ждать отца, может, приедет.

Он напряженно прислушался, не раздастся ли вдали стрекот мотоцикла, вглядывался в темноту, не замечется ли луч фонаря на степной дороге. Тишина. Над копной сена ходят теплые, насыщенные яблоневым ароматом волны воздуха. Сонно поют сверчки в подсолнечниках. Издали, от станичного причала, донесся вой сирены речного трамвая, и снова все замолкло, погрузилось в сон. Мерцают яркие звезды. Много их в небе, как росы на траве ранним утром. Звезды сверкают красными, синими, зелеными огнями и вдруг дрожат, дрожат, опускаясь ему на ресницы. Павлик трясет головой, прогоняя дремоту. Наверное, не придет отец. Уже поздно. Видно, и ночью косят. Погода сухая...

Через полчаса бабка Аксютка тихо поднялась на копну по лесенке. Поправив шубу на Павлике, она взяла сито и тихо воскликнула:

— Ах ты ж, моя родна кровинка! Все съел... Значит, простил старуху.

Вдали прогудел пароход, и на миг умолкли удивленные сверчки. Крепко и спокойно спит Павлик. Снится ему, что он летит высоко над степью. Внизу работает комбайн, и отец его, остановив трактор, говорит комбайнеру:

— Смотри, смотри, пацан летает!

А он, Павлик, опускается ниже и, замирая от счастья, кричит:

— Это я, папа! Это я, Павлик!

Ю. Боско. БУДНИ
СТАЛИНГРАДСКОЙ
ГЭС.

«Огонек».

Н. Бабасюк.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.

О. Верейский. ШТУРМ.

Н. Пономарев. СМЕНА ПРИШЛА.

Человек пишет человеку...

Иван ЛИТВИНОВ за работой.

Фото А. Чернявского.

В суровую заполярную ночь декабря 1939 года воспитанник Воронежского военного училища связи Степан Батраченко, выручая батальон, попавший в беду, совершил воинский подвиг, был тяжело ранен и лишился зрения.

Двадцатишестилетний молодой человек пал духом. Перед Степаном Батраченко возник вопрос, на который он не в состоянии был ответить: зачем жить?..

Но в то время, как он думал о смерти, отвергнутая им жизнь в самых разнообразных формах боролась за него — исподволь, настойчиво, неутомимо. Врачи, сестры, санитары, раненые, все те, кто так или иначе имел с ним дело, старались поднять и укрепить его надломленный дух. Сам того не замечая, Степан невольно поддавался влиянию окружавших его людей, и постепенно у него вновь начала развиваться жажда жизни.

Степану пришли на помощь студентка Ленинградского университета Валя Шишкина, профессор Ленинградского пединститута Б. И. Коваленко, старенькая няня госпиталя Мария Александровна Шленская... Всех не счесть. Но особенно большую роль в его судьбе сыграла любимая им девушка Лида Шаталова. Узнав от Вали Шишкиной, что случилось со Степаном (сам он решил ей больше не писать), Лида немедленно выехала в Ленинград. Молодые люди уже не расставались: вместе учились в институте, который окончили с отличием в 1944 году, вместе приехали на преподавательскую работу в Воронежский педагогический институт.

Степан Батраченко стал преподавать на кафедре марксизма-ленинизма. Подготовил и защитил в Москве кандидатскую диссертацию. У Степана и Лиды двое детей: десятиклассник Виктор и шестиклассница Наташа. Живут они в трехкомнатной квартире в одном из новых домов возрожденного Воронежа.

Обо всем этом я рассказал в повести-были «Неутраченное счастье», вышедшей в свет в 1957 году. Готовя книгу ко второму изданию, я попросил Степана Иосифовича показать его личный архив (до этого он многое от меня скрывал, так как считал, что писать о нем вообще не следует).

— Что вы все обо мне да обо мне? — сказал он с неудовольствием. — Напишите вот лучше об Иване Литвинове.

И подал мне пачку писем. Полагая, что эти человеческие документы представляют несомненный общественный интерес, я их подготовил к печати и с согласия Литвинова решил послать в «Огонек».

1

Дорогой Степан Иосифович!

Простите, что я, совсем незнакомый Вам человек, осмелился побеспокоить Вас. Я долго не решался писать, но желание познакомиться с Вами так велико, что оно пересилило все здравые соображения.

О Вас я впервые услышал, когда по радио передавали очерк «Два подвига Степана Батраченко»,— кажется, в марте 1953 года. Я был из тех радиослушателей, по чьей просьбе передачу повторяли.

Теперь я в Воронеже.

Вчера держал экзамен по истории Германии. Ответив на вопросы, я подал свою зачетку преподавательнице. Когда она написала довольно четко свою фамилию «Батраченко», у меня невольно округлились глаза.

— Вы недовольны отметкой? — спросила она.

— Нет, нет! — поспешил заверить я.— Скажите, вы имеете какое-нибудь отношение к Степану Иосифовичу Батраченко?

— Некоторое,— улыбнулась она и пояснила: — Это мой муж...

И вот я потерял покой: очень уж захотелось познакомиться с Вами лично.

Кто я?

Мне было тринадцать лет, когда началась война. Как и повсюду, в моем родном колхозе остались только старики и дети, и нам, подросткам, тоже нашлись дела. Я стал разъездным курьером правления колхоза, или, как меня называли тогда, вестовым. Это потому, что я привозил из района вести — и хорошие и плохие. Только последних, понятно, в те дни было больше.

Ехал я однажды на дрогах на ночную молотьбу. На кочковатом взгорье лошадь пошла вскачь, шкворень выскочил, дроги ткнулись «носом» в землю, а я вывалился на дорогу. Долго ли лежал, не знаю, но когда поднял голову, лошади рядом не было. Пока я приходил в чувство, конюх пригнал ее. Он помог мне поставить дроги на передки, и уже через полчаса мы были на току.

Ночь прошла хорошо, и я уж забыл о злополучном происшествии, но утром оно само напомнило о себе: у меня в позвоночнике появились боли, которые не прекратились ни к вечеру, ни на другой день, ни через месяц, ни даже через год. В 1945 году болезнь парализовала обе ноги.

За эти годы я многое пережил и перечувствовал, не раз отчаивался.

Осенью 1949 года врачи решили выписать меня из интерната-санатория как неизлечимого. Я спросил главного врача:

— Неужели ничего нельзя сделать?

Иван Георгиевич подвинул к моей кровати стул, присел на него и, не отвечая на мой вопрос, в свою очередь, спросил:

— А почему ты, Иван, не в комсомоле?

Я с досадой взглянул на него: зачем он сейчас об этом? Какое имеет отношение к моей болезни комсомол?

— Иван Георгиевич, как же так — выписывать? Ну что я буду делать?

— Жить... Жить... и работать,— сказал он и положил свою руку на мою.— Тебе вот обед принесли, поешь. А поговорим потом: у нас с тобой есть время.

И ушел.

К еде я в тот день не притронулся. А когда настала ночь, я, сунув бритву под подушку, попросил, чтобы меня вывезли на веранду...

Иван Георгиевич и раньше появлялся глубокой ночью в палатах. Может, и на этот раз он делал свой обычный обход. Но когда он приблизился к моей койке, поправил одеяло и, постояв немного, ушел, мне почему-то показалось, что Иван Георгиевич приходил именно ради меня. В голове у меня словно бы все перевернулось.

Наши вкладки

Только что закончился II съезд Советов. Ленин в толпе делегатов выходит из дверей Смольного. Усталые, но возбужденные лица, энергичная, устремленная вперед фигура Ильича...

Замысел картины «Первый день Советской власти» жил в воображении так ярко, что казалось, стоит поработать у мольберта месяц-другой — и история оживет на полотне. Но сколько же пришлось думать и искать ленинградскому художнику Н. Бабасюку!.. В его мастерской частыми гостями стали рабочие Кировского завода. Некоторые из них встречались с Лениным, участвовали в работе II съезда Советов. Вспоминалось все, что было пережито в далекий день провозглашения Советской власти. Картина постепенно превращалась в волнующий рассказ о думах и чувствах людей того первого дня, той памятной ночи...

«Отныне наступает новая полоса в истории России»,— эти как будто только что прозвучавшие слова Ильича заставляют старого рабочего еще крепче сжимать в руках винтовку, делают таким решительным лицо матроса, вызывают раздумья у солдата, простодушно-восторженную улыбку у паренька...

Художник запечатлел минуту, когда помыслы всех людей, спускающихся по ступеням Смольного, обращены к будущему. Они завоюют его!

Картины и графические работы Ю. Боско, О. Верейского, Н. Пономарева посвящены трудовым будням людей 60-х годов, тем будням, о которых когда-то мечтали наши отцы и братья.

Темная глубина, пенистые буруны внизу, ослепительная синева неба над головой и солнечные фигуры людей — победителей стихии — на подвесном мосту через Волгу...

«Давай! Хорош!..» Многотонные глыбы с грохотом летят в стремительные воды Ангары. Штурм начался. «Мы покорим тебя, Ангара!»

Громадные застекленные стены надземного помещения шахты, мерный шум бегущих по рельсам вагонеток, тоненькая женская фигурка у телефона... Кажется, земля сама добровольно отдает свои богатства человеку. Добровольно, потому что подчинилась человеческой воле и разуму...

Л. ОСИПОВА

До утра, конечно, я не заснул. Утром меня снова навестил Иван Георгиевич. Как обычно, поздоровался за руку, но более пристально стал вглядываться в мое лицо. Как я догадался, он искал перемен.

— Вот что я надумал, Иван... Ты останешься в санатории... Месяца через полтора поеду в Ленинград. Там будут светила... Поговорю, и что-нибудь придумаем.

...Комсомольский билет, Степан Иосифович, мне вручили на той же веранде, на которой я так много передумал в памятную ночь. Товарищи из райкома посоветовали мне учиться заочно и все хлопоты по оформлению взяли на себя. Так я стал заочником средней школы. И хотя Иван Георгиевич ничего утешительного не привез для меня из Ленинграда, я уже не чувствовал себя безнадежным, одиноким и никому не нужным.

Не буду говорить о том, кто и как мне помогал, скажу только, что много нашлось у меня настоящих друзей и товарищей. Сейчас я живу в условиях, мало чем отличающихся от санаторных,— в Воронежском доме инвалидов № 1, который недавно построили на Чижовской окраине города, а учусь заочно в Вашем институте.

Теперь, я думаю, Вам понятно, почему мне хочется познакомиться с Вами. С комсомольским приветом И. Литвинов.

16 июня 1955 года.

2.

...Вы, верно, и не представляете, что творится в моем сердце и в моей голове после нашей беседы. Когда я читал о Вас, то представлял Ваш образ как-то слишком отвлеченно, обще — так, как обычно читатели представляют литературных героев. Теперь я знаю, какой Вы есть на самом деле. Ваши советы я буду помнить долго. Поверьте, они мне очень пригодятся.

3.

...Письмо Ваше получил. Спасибо за поздравление с праздником Октября и добрые пожелания. Чувствую Вашу твердую дружескую руку. Еще раз спасибо...

В воображении я рисую самые причудливые картины своего будущего, но... я далек еще от цели.

Да, я учусь, но что тут особенного? Мне же, Степан Иосифович, нельзя не учиться, нельзя не стремиться стать полноценным человеком. Да и стыдно бездельничать— ведь я всем обеспечен, окружен заботой и вниманием.

Нет, я не могу, не имею права не учиться. Пока моя голова маломальски думает, а руки держат карандаш и книгу, я буду учиться и работать.

4.

...Получен ответ из Москвы. Заведующий отделом костной хирургии научно-исследовательского института сообщил через обком комсомола и облздравотдел — они ходатайствовали,— что операция трудная и ввиду большой давности заболевания совершенно бесперспективная. Вот так...

Видите, не все зависит от нас самих. Но ничего, не будем вешать голову. Будем жить дальше!

Будьте здоровы! Привет Лидии Федоровне.

Да, чуть не забыл. У нас в Доме теперь своя комсомольская организация. Секретарем избрали меня. Это третье общественное поручение (редактирую стенную газету и руковожу политкружком). И это хорошо, потому что не остается времени на самокопание.

Как Вы поживаете?..

5.

...Недавно у меня был день рождения. Я пригласил всех своих друзей и с волнением ждал их прихода.

Нина Григорьевна, лечащий врач, комсомолка, хлопотала у сдвинутых столов, нарезала колбасу, сыр, расставляла рюмки и коробки с конфетами.

В дверь постучали, и вошел незнакомый молодой человек. Здоровается и вталкивает изящную тумбу, распространяющую запах свежей краски.

— Это вам подарок от молодых рабочих завода «Воронежсельмаш»,—сказал и, пожелав мне всего хорошего, ушел.

Меня охватило недоумение: на заводе я никогда даже не бывал, меня там никто не знает... Что это значит?

Размышления прервал новый стук. Пришли Юля и Женя, студенты-старшекурсники. Хитро улыбаясь, они что-то бесшумно поставили у двери — из-за стола мне не видно.

Вслед за Юлей и Женей тремя группами появились и остальные гости. В комнате стало тесно.

Нина Григорьевна пригласила всех к столу. Ну, конечно, веселые тосты, шутки, смех...

Встал Женя — Вы ведь его знаете, это парень чуть ли не двухметрового роста и косая сажень в плечах,— похлопал ладошами, чтобы все замолчали, и поднял с полу увесистую картонную коробку.

— Вручаю тебе эту адскую машину от имени студентов пединститута,— сказал он торжественно и извлек из коробки телевизор.

— Спасибо,— только и мог сказать я.

Поймите, Степан Иосифович, для меня ведь это неоценимый подарок не только потому, что он меня связывает с жизнью: до глубины души взволновало такое внимание и такая забота. Теперь у меня есть все необходимое: радио, телефон, пишущая машинка и телевизор. И все это подарки друзей!

Мои гости разошлись очень поздно. А я в ту ночь так и не мог уснуть...

6

С весной, мой старший друг!

Я ощущаю весенний аромат, доносимый до меня через форточку ветерком.

И — надо же так случиться! — именно сегодня по радио передали Шестую симфонию Чайковского. Я почувствовал прилив новых сил. В эту минуту мне кажется, что в мире нет такой преграды, которую бы я не одолел.

Видите, как я расфилософствовался.

Но довольно. Тем более, что ко мне пришла Тоня. Привет от нее. Наши отношения с ней еще не уравновесились, но я надеюсь, что все уладится: мы с ней ведь не разные по духу. Большую часть вины беру на себя: слишком резок бываю в спорах о прочитанном. Она тоже с характером. Словом, часто и очень даже часто коса находит на камень...

7

...Дела мои идут хорошо. Вот только задержка в институте: экзамены у меня все не принимают: нет времени у преподавателей. Четвертый курс по этой причине закончу, вероятно, только в сентябре. Не дали мне и попрактиковаться над рецензированием работ товарищей по немецкому языку: у вас, говорят, нет диплома.

Новое руководство заочным отделением института ко мне немножко, что называется, охладело.

Вы, может быть, уловите в моих словах нотку обиды, но не подумайте, что я опускаю крылья,— просто рассказываю Вам о том, что иногда мешает быстрее дойти до намеченной цели.

Время у меня есть, подожду.

8

...Случалось ли Вам переживать такую радость, которая, кажется, тебя всего распирает?

Вот такой радостью заполнена сейчас моя грудь: меня приняли в ряды КПСС!

Вы понимаете, что это значит...

9.

Два раза звонил Вам и не застал дома: Вы были то на заседании Ученого совета, то в гостях у школьников. А мне так хочется поделиться с Вами еще одной необыкновенно большой радостью: я окончил институт! Тринадцать лет учебы в постели прошли не зря: в руках у меня тоненькая и в то же время объемистая по смыслу книжица — диплом, дающий мне право быть преподавателем. Вместе с ним мне вручили и выписку из приказа директора института о зачислении меня преподавателем заочного отделения.

В эту радостную пору моей жизни я обещаю Вам, дорогой Степан Иосифович, жить так, чтоб на склоне дней иметь право сказать замечательными словами Гете:

...Жизни годы
Прошли недаром, ясен предо мной
Конечный вывод мудрости земной:
Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой!..

С коммунистическим приветом
И. Литвинов

* * *

— Читали? — таким вопросом встретил меня Иван Васильевич Литвинов, когда я пришел к нему в один из весенних дней. — Вот это, я понимаю, героизм! Вот это комсомолия! Сорок девять дней в бушующем океане на хрупком суденышке, без пищи, без воды! Нет, я этого не могу даже представить...

Когда Литвинов произносил последнюю фразу, в его мягком баритоне послышались нотки затаенной грусти. Видимо, не желая поддаваться мимолетному настроению, он заговорил о новостях, которые накопились у него за последнее время, пока мы не виделись, и голос его зазвучал ровно и спокойно. Вот главные из этих новостей.

В областной молодежной газете опубликован в переводе Литвинова рассказ немецкого писателя, пришли письма от друзей: из Чехословакии — от Евы Србовой и из Германской Демократической Республики — от Лоры Бахман, на прошлой неделе отправил Центральному бюро технической информации совнархоза перевод большой статьи о технических новшествах, получил задание от журнала «Социальное обеспечение»...

Постучавшись, в комнату заглянул секретарь партийной организации Дома инвалидов Федор Петрович Свистов.

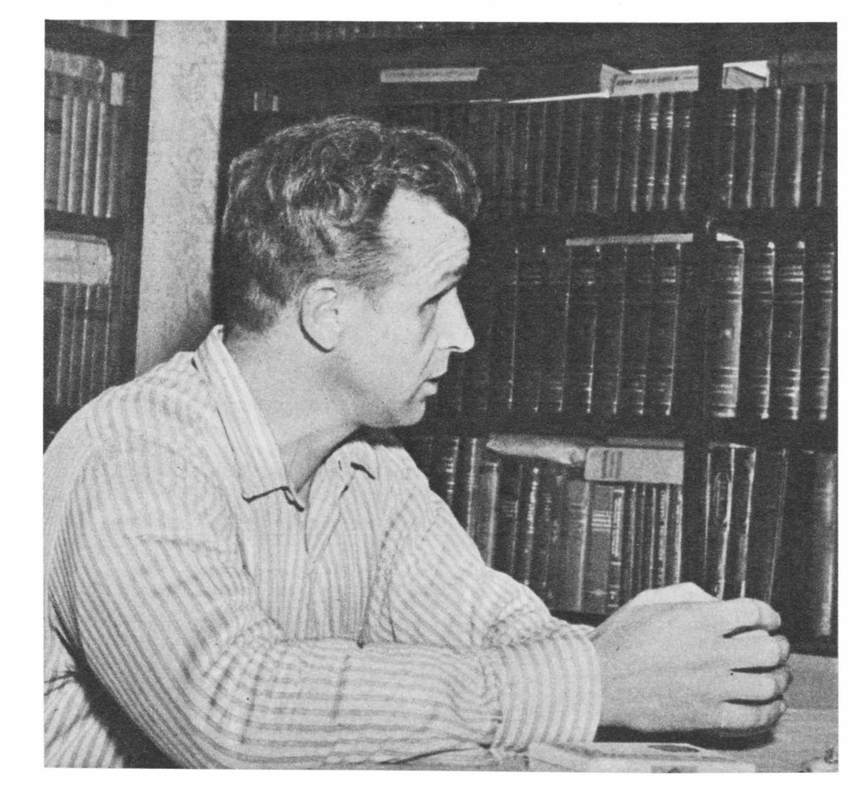
— У тебя гости? — сказал он. — А я хотел посоветоваться...

— Заходи.

Они о чем-то поговорили вполголоса, и Свистов ушел.

Иван Васильевич снова вспомнил о четверке советских солдат, не подчинившихся стихии океана, а я глядел на него и думал: «Чему же, дорогой, ты-то удивляешься? Ведь сам ты из того же теста, что и эти простые советские парни...»

Иван СИДЕЛЬНИКОВ

Степан БАТРАЧЕНКО.

Фото А. Гостева

И. МЕСХИ

Фото В. ДЖЕЙРАНОВА.

Специальные корреспонденты «Огонька»

ВЫШКА НА МАРКЕ

В Баку, в Сураханах, есть храм огня «Атешга», построенный индийцами в XVIII веке: глухая стена, монастырские кельи и посреди двора под куполом — источник газа, который горел некогда неугасимым огнем.

Стены храма испещрены надписями, сделанными в разное время разными людьми. Чаще это обрывки молитв, несвязные и непонятно звучащие для нас. И среди них, как живое пророчество, как совет из глубин веков, надпись индийского происхождения, исполненная шрифтом Гурмукхи:

«О Нанака! Подумай об этой вечно бесконечной реальности, которая истина и всегда останется истиной».

Не известно и никогда не будет известно, кто начертал на камнях эти слова. Был ли он богатым индийским купцом, жил ли отшельником при храме, или это паломник, проделавший тысячи верст за священным огнем?..

Огнепоклонники оставили храм в середине прошлого столетия. Теперь в кельях хозяйничают лишь норды, налетающие порывами с Каспия. Колодец давно засыпан. А вокруг стоят нефтяные вышки. Они подошли к самым стенам храма.

Вышками полны все Сураханы, теперь уже старый нефтяной район. Вышки ушли далеко в море. Они разбрелись по всему Апшеронскому полуострову, достигнув даже берегов Куры. Баку стал священным местом «нефтепоклонников».

С тех времен, когда арабы отмечали близ Баку «горящие земли», до промышленной переработки нефти прошло девять столетий. И всего один век понадобился, чтобы нефть указала людям на газ.

Это произошло уже совсем недавно, в Карадаге. Из нефтяной скважины вместо черной маслянистой жидкости вырвался громадный столб газа. Он возвестил о наступлении на Апшероне нового, «газового» века.

Теперь рядом с нефтяными трубами пролегли от берегов Каспия газопроводы по Азербайджану и к соседям-республикам. Газ воплотился во множество разных предметов. Скоро он станет волокном. И уже стал шиной — настоящей автомобильной покрышкой, которая выдерживает на себе тяжесть кузова «Победы» и «Волги», самосвалов и автобусов.

...Круги, ромбы, круги на ромбах, ромбы на кругах, в разных сочетаниях и пропорциях, с неизменной заглавной буквой посередине — это марки автомобильных шин, выпускаемых Ярославским, Московским, Воронежским, Кировским и другими заводами страны. В этом году к ним прибавилась еще одна: треугольник с вписанными в него буквами «БШЗ» и нефтяной вышкой.

О самом Бакинском шинном заводе много говорить не приходится. Он новый, следовательно, совершеннее, «поточнее» других. Это закономерно. Он еще только народился, а уже замыслил увеличить свои мощности в полтора раза. Не ново и то, что первый шинный завод республики шел на выучку к «старикам», что сотни азербайджанских рабочих и специалистов учились и переучивались у шинников Воронежа, Омска, Еревана, Кирова, Москвы. А Ярославль, старейшина в шинной семье, тот вообще принял на себя моральную ответственность за пуск нового завода. Рассказывают, что в течение двух месяцев ярославские «сливки» — лучшие мастера — налаживали на месте станки и обучали рабочих. И если чего-нибудь не хватало бакинцам — какой-нибудь детали или инструкции,— все немедленно доставлялось из Ярославля самолетом. Бескорыстной была опека завода над заводом в самые трудные для новорожденного дни.

В остальном же БШЗ такой же, как и другие. Так же смешивается здесь каучук с сажей и еще разными разностями, так же готовят из этого черного вязкого теста слои-детали и потом запекают их (вулканизируют и формуют разом) в печи. «Бублик» готов!

И все же вышка на марке у него неспроста.

Вот цех, в котором происходит таинство резиносмешения. Синтетический каучук — основная мукá в резиновом тесте. Еще недавно он был спиртом на Сумгаитском заводе синтетического каучука. А до этого? До этого был газом, обыкновенным нефтяным газом, гонимым в серое небо Баку из труб нефтеперегонных заводов.

Второй основной компонент в резине — сажа. И ее происхождение газовое. Только это уже природный газ, выходящий не из труб, а из скважин газового месторождения вблизи Баку.

Если б бакинская резина имела метрику, то отцом у нее был бы записан газ, а матерью — нефть. И общая у них фамилия — химия.

Когда подъезжаешь к Баку по железной дороге со стороны Карадага, в вагоне на минуту становится сумрачно, как перед грозой. Это дымят трубы сажевого завода. Отсюда в небольших бумажных мешочках сажа отправляется на шинные заводы, в том числе и на БШЗ.

Ох, как не любят ее железнодорожники! Во-первых, она очень легкая, и много ее не погрузишь на платформу. А это невыгодно. Во-вторых, она пачкает. Стоит одному мешку разорваться, как прощай чистота. И такая несносная неряха появляется на заводе. Тут при загрузке в резиносмесители ее приходится выпускать из мешков на волю. Можно представить, что творится вокруг!

Как же сделать производство чистым, высококультурным, сберечь резину от грязи, а людей — от тяжелой необходимости часами отмываться после гудка?

— Мы решили сделать так,— говорит главный инженер завода Г. Я. Васильев.— Один резиносмеситель изолировали от всех других. Он у нас стоит в отдельном, закрытом помещении. Технологию приготовления смесей изменяем. Вместо «теста» со всеми специями этот смеситель будет выпускать только сажекаучуковые концентраты. Отсюда они пойдут в другие резиносмесители. Там обеспечена чистота. Страдать от засилья сажи будет один смеситель, и то лишь на первых порах. Уверен, что на других заводах подхватят наше предложение и станут изготовлять концентраты у себя. И им выгодно, и железная дорога обрадуется, а уж о нас я не говорю...

Мне привелось пощупать первые опытные сажекаучуковые брикеты. Я убедилась, с какой настойчивостью проводят бакинские шинники курс на чистоту. И полы в цехах выложены метлахскими плитками. И колонны облицованы сверкающим кафелем. Хорошо работать, когда кругом бело! Даже шины выглядят не такими черномазыми. И яснее различим на них треугольник с нефтяной вышкой. С любопытством разглядывают его первые паломники БШЗ — представители Дагестана и Тбилиси, Армавира и Куйбышева, прибывшие с нарядами на шины от совнархозов и автотранспортных контор.

«Мы — нефтешинники!»

На перемене в коридорах училища.

Сегодня предстоит первая встреча со зрителем. Школьный спектакль «Щелкунчик» идет на сцене Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова.

Педагог Мария Дмитриевна Шостакович занимается музыкой с учениками 5-го класса Сашей Евдокимовым и Володей Лопуховым.

Фото Е. УМНОВА.

На одной из красивейших улиц Ленинграда, улице К. Росси, находится старейшее хореографическое училище, которое носит имя прославленного балетного педагога профессора А. Я. Вагановой.

Еще в 1938 году училище отпраздновало свое 200-летие. Замечательные артисты балета вышли из его стен. Здесь занимались М. Семенова, Г. Уланова, Н. Дудинская, К. Сергеев, В. Чабукиани и многие другие советские артисты, имена которых ныне знает весь мир.

Пройдемся по училищу. Это своеобразный хореографический городок. Здесь есть свой собственный театр на 200 мест. На его подмостках в концертах и спектаклях ученики проходят производственную практику. В интернате живут и те, кто приехал из других городов, и иностранцы. Ведь, кроме советских ребятишек, здесь учатся дети из Англии, Индонезии, Швеции, Бразилии... В музее можно досконально познать славную историю этой старейшей балетной школы, проследить творческий путь ее воспитанников. Библиотека, методические кабинеты, лаборатории, школьные залы...

В балетной школе занимаются физикой, фехтованием, музыкальной грамотой, историей. В огромных классах изо дня в день с утра до вечера то у станка, то у зеркала идут уроки по специальности. Искусство хореографии требует большого и неустанного труда.

С десяти лет дети привыкают к сцене, гриму, учатся слушать и понимать музыку, танцевать в ансамбле и соло.

Когда в этом сезоне большая часть балетной труппы Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова уехала на гастроли в Объединенную Арабскую Республику, воспитанники Ленинградского училища успешно заменили артистов кордебалета в «Жизели», «Баядерке», исполнили ряд ведущих партий в балетах «Щелкунчик» и «Лебединое озеро».

М. ФРАНГОПУЛО,
педагог училища
имени Вагановой.

На снимках внизу:

Совсем как взрослые!

Подруги. Слева направо: Сюзанна Саад из Бразилии, Лис Кристенсен из Дании, Анна Вустер из Англии и Валя Коновалова.

Выпускники фехтуют...

Ученица выпускного класса Магдалена Попова из Румынии танцует в балете «Щелкунчик».

ШКОЛА

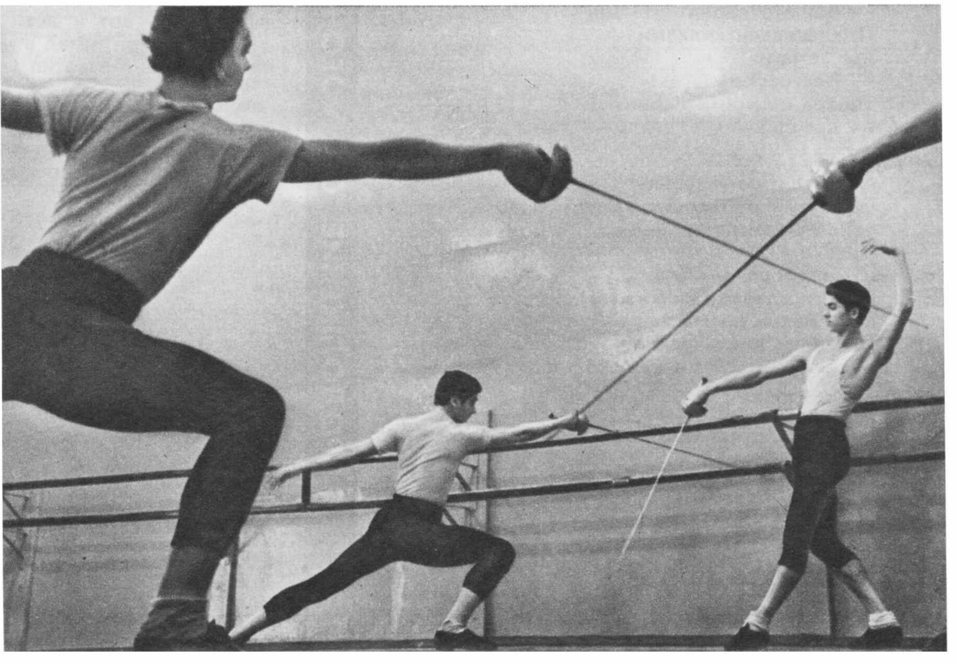

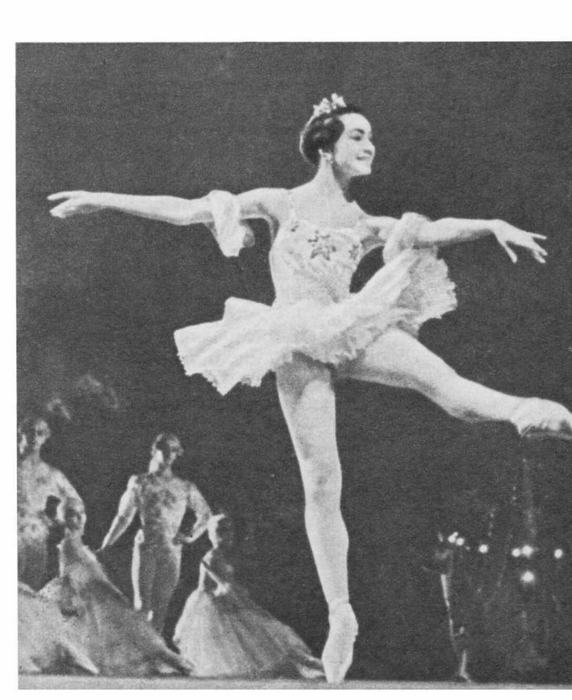

Урок классического танца.

ПРЕКРАСНОГО

В селе Опочки

Владимир ЦЫБИН

Колдунья

Цветет чуть свет
трава-огнецвет,
а там, где клюква, —
трава-разлука.
Сидит Груня
дома молчком,
ходит Груня
бочком-бочком.
На заре заревой
над водой ключевой,
укачивая вербы,
сходятся три ветра.
А первый ветер
приносит весть,
а второй ветер
приносит болезнь,
а третий ветер —
от злой беды...
Сходятся три ветра
у чистой воды.
И хотя в июне
сохнет трава,
прячет Груня
руки в рукава,
мерзнет под шалью:
— Чай, скоро сто
живу — не мешаю
людям-то!
Губы кривеют:
одна так одна!
В косах плесневеет
седина.
Руки клюкасты,
глаза лупасты,
в душу тянутся.
— Груня, здравствуй!
Бабуня, здравствуй! —
бабы кланяются.
Некому бабке
ворожить,
некого бабке
пугать, страшить:
— Вода-глубина,
копи синету,
вода-глубина,
топи маяту.
Стыдно по улице
пройти с клюкой.
Улица волнуется:
— Кто же милуется
с бабой-ягой?
— Прикипи, хворост,
к воронью перу,
выйди, хворость,
в сухую пору́.
Синь-буен ветер,
с руки лети,
с руки лети,
болезнь замети!
Никто в селе
колдунье не верит,
даже внучок,
и тот пионерит.
Пристает: — Бабушка,
не гадай,
траву, бабушка,
в аптеку сдай!..
А ночью, в облунье,
невесела
ходит Груня —
последняя колдунья
моего села.

Забава

Устав от девичьих печалей,
привыкнув к бабьему теплу,
подрагивая плечами,
проходит Сенька по селу.
Затянутый в костюм клетча́тый —
мечта лихих ребячьих стай! —
шофер проходит, и девчата
напрашиваются: — Покатай!

Он уезжал. А девки снова
заснуть ночами не могли
и лучшие свои обновы
к приезду Сеньки берегли.
А он хвалился и гордился:
— Всю жизнь мотаюсь за рулем!..
И прелью желтою бугрился
стожок кудрей под козырьком.

Он уводил девчат под липы.
И на ногах его, туги,
давясь от собственного скрипа,
икали сыто сапоги.
И губы от простуд синели.
И, чуть ку́ражась, будто пьян,
он, как ребенка из постели,
брал на руки чужой баян.

И, продышав меха спросонья,
баян всю ночь играл, играл,
пока, занянченный в ладонях,
припав к плечу, не засыпал,
чтобы кому-нибудь порою
он, Сенька, чинно, горячо
грел под обмякшею полою
чуть-чуть озябшее плечо.
И медуницей пахло пряной,
да вяла в яблонях метель...

Ворчали деды:
— Окаянный!
Серчали деды:
— Вот кобель!

А матери, больные вдовы,
сплошь пеговаты от седин,
судили: — Парень непутевый,
но на семь верст вокруг один.
Один на все село Опочки,
другие ж в городе пока...
И каждый вечер ждали дочки
гудка его грузовика.

Но в край наш, что вдовел веками,
пришла целинная весна:
была распахана гудками
степей веснянка-тишина.
Дым над палатками... Он в кольца
свивался весело. И вот
зажгли баяны комсомольцы —
совсем молоденький народ.
И песни шли за ними следом,
их привозили поезда.
Оглядисто судили деды:
— Вот это парни! Это да!
Поддакивали кивками
им матери:
— Не говори!
Теперь с такими пареньками
не засидишься в двадцать три.

Оттаивая помаленьку
сердцами от баянов, вдруг
увидели девчата:
Сенька
и малорослый, и лопоух,
и мутноглаз от самогона,
и на баяне не мастак...
Твердили девки удивленно:
— А мы его... Да как же так?

А Сенька, чуб измяв кудлатый,
пропил костюм, баян продал,
три дня буянил и куда-то
как в воду канул и пропал.

ПРОДОЛЖЕНИЕ. СМ. «ОГОНЕК» №№ 19, 20, 21.

Приключенческая повесть

Василий АРДАМАТСКИЙ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

11

...И часа не прошло, как меня снова подняли и отвели в тот дом на взгорке.

Конвойным и переводчику приказали выйти. В кабинете рыжего лейтенанта, кроме него, остался я и, судя по всему, тот самый полковник Крафт, которому прошлый раз звонил лейтенант. Это был сильно раскисший с летами мужчина, все у него оплыло — и живот и лицо.

— Садитесь там,— сказал он на довольно хорошем русском языке и показал на стул.

Я сел. Он долго смотрел на меня крупными слезящимися глазами.

— Я знаю ваш язык, потому что в прошлую войну так же, как вы теперь, был в плену.— Он попытался улыбнуться, его отечные щеки чуть шевельнулись.— Ваше состояние я очень хорошо понимаю. Но я понимаю и другое — бессмысленность фрондирования. Когда я был в плену, у нас в лагере (он находился возле Самары) сама действительность выработала своеобразный устав поведения пленных. Был в нем и такой параграф: для пленного беспрекословное послушание есть не что иное, как виза на возвращение домой живым.

— Теперь этот город называется Куйбышев,— непонятно почему сказал я и, увидев, что полковник не уразумел моей реплики, пояснил: — Город Самара, где был ваш лагерь, теперь называется городом Куйбышевом.

— А-а!..— Полковник вяло махнул рукой.— Вы там все переименовали. Но это не имеет никакого отношения к нашему вопросу.

— Нет, имеет,— упрямо сказал я, безотчетно радуясь, что, оказывается, про Куйбышев я вспомнил не случайно.— У нас и устав для пленных свой, новый: лучше погибнуть, но не стать предателем.

— Боже, как вы любите фразеологию! — Полковник попытался поморщиться, но шевельнулись только его косматые седые брови.— Никто же не ждет от вас предательства, речь идет только об одной детали уже минувшего боя: много ли партизан участвовало в нападении на станцию?

— Много, очень много!

— Это хорошо.— Полковник и лейтенант переглянулись.— Сто, двести, пятьсот?

— Очень много. Уточнения не будет.

Лейтенант тихо сказал полковнику по-немецки:

— Может, поскольку он начал говорить, всыпать ему еще? — Он протянул руку за стеком.

— Нет, не надо. Я эту нацию знаю, он больше ничего не скажет. Надо зафиксировать то, что он сказал, и найти способ передать это майору Бранту. Это надо сделать быстро, уполномоченный СД уже приехал и сейчас обнюхивает станцию. Понимаете? — Полковник встал.— Ну, вот и все.

Меня отвели назад в магазин. Когда я остался один, меня охватил ужас: не повредил ли я

партизанам, сказав, что их было очень много? Вдруг враги теперь пошлют в лес мощный карательный отряд? От этой мысли меня пробрал холод.

Опять лязгают запоры. Конвойные торопят меня. На этот раз они пришли без переводчика. В пути они меня понукают. А когда я в ответ на их понукания пошел медленнее, один из них сказал другому:

— Он еще капризничает! Там его выдрессируют в два счета.

— Дурак,— отозвался другой немец,— не хотел говорить с нашим лейтенантом. Он пожалеет об этом.

— Эти умеют. Ты знаешь, когда я захожу в их здание, мне жутко становится.

Все ясно. Меня ведут в гестапо. И такая тоска сдавила мне грудь, не сказать словами!

Гестапо размещалось в здании школы. В вестибюле, где во всех школах за деревянным барьером няни принимают от ребят пальто, стоял канцелярский стол с несколькими телефонами. За столом в расстегнутом черном кителе сидел белобрысый детина огромного роста — его ноги торчали из-под стола. Один из конвойных подошел к нему, щелкнул каблуками и сказал что-то. Белобрысый отстранил его рукой, посмотрел на меня, потом снял трубку одного из телефонов.

— Рихард! Партизан доставлен... Хорошо...— Он положил трубку и крикнул: — Дежурный!

Из комнатки, в которой во всех школах помещается нехитрая школьная канцелярия, выбежал, на ходу застегивая китель, солдат. Белобрысый показал ему на меня и сказал:

— В комнату номер два.

Солдат подошел ко мне и толчком в спину направил к лестнице. Я видел, как он расстегнул болтавшуюся у него на ремне кобуру.

У двери, на которой мелом была написана крупная двойка, он поставил меня лицом к стене, а сам постучал в дверь. Когда дверь открылась, он гаркнул:

— Арестованный доставлен!

Там, за открытой дверью, засмеялись. Солдат взял меня за локоть, подвел к двери и резким толчком впихнул в комнату и захлопнул дверь.

В комнате в непринужденных позах сидели три гестаповских офицера. Несколько секунд они с любопытством рассматривали меня. Потом один из них сел за стол.

— Фамилия? — спросил он тихо.

Я молчал и смотрел поверх его головы.

— Фамилия? — чуть громче повторил гестаповец.

Я молчал.

— Все-таки ты вызови переводчика,— сказал сидевший на диване гестаповец.

Сидевший за столом рассмеялся.

— Тьфу, дьявол, я же забыл, что имею дело с обезьяной! — Он позвонил по телефону и потребовал к себе переводчика. Но, очевидно, ему сказали, что переводчика нет или что он занят.

— Где хотите найдите мне переводчика! — закричал он в трубку, мгновенно побагровев.— Вот так каждый день: то нет переводчика, то нет машины, то испорчен штабной кабель... Где вы откопали этого рыжего саботажника?

Сидевший на диване брезгливо махнул рукой.

— Он работал в аппарате берлинского управления, умудрился потерять какой-то документ, и его двинули на фронт.

— Двинули на фронт...— Сидевший за столом гестаповец пожал плечами.— Неужели у вас там до сих пор не понимают, что сюда, на такие посты, надо слать лучших, а не всякое дерьмо!

— Не узнаю тебя, Фридрих, ты стал неврастеником. Надеюсь, себя ты не относишь к дерьму?

Гестаповцы рассмеялись. Один из них глазами показал на меня.

— Интересно, что думает сейчас этот тип?

— Я знаю,— сказал тот, за столом.— Он думает, когда мы его повесим. Он не догадывается, какой ему подготовлен сюрприз. Шутка сказать: Берлин, милый старый Берлин!

— Для него Берлин не то, что для тебя. Притом его и там ждет виселица или пуля в затылок. И вообще это нелепость, что я должен везти этого типа в Берлин.

— За дорогу вы подружитесь и будете играть в карты,— сказал сидевший за столом. Они засмеялись.

Явился уже знакомый мне переводчик. Сидевший за столом офицер показал на него пальцем.

— Вот типичные кадры рыжего. Не то русский немец, не то немецкий русский, деятель из русских эмигрантов, а учился в Гейдельберге. На допросах чуть не падает в обморок, фило-соф!

Переводчик стоял посреди комнаты руки по швам.

— Валерьянки для себя захватил? — спросил у переводчика сидевший за столом офицер.

Переводчик не ответил.

— Ладно. Посади этого типа на тот стул. Так. Сам садись здесь. Будем работать. Задача такая: надо выяснить, сколько партизан нападало на станцию.

— Я уже знаю этого человека,— тихо сказал переводчик.— Он отвечать не будет.

— Да? — Гестаповец презрительно посмотрел на переводчика.— Переведи ему мой вопрос.

Я выслушал перевод и молчал.

Офицер, сидевший в кресле, вскочил и встал за моей спиной.

— У него, наверное, прилип язык,— сказал он гортанным голосом.

— Проверь,— улыбнулся гестаповец за столом.

Удар по затылку сбросил меня со стула, я потерял сознание. Очнулся на середине комнаты и под смех фашистов стал подниматься.

— Ну как, отклеился язык? Философ, помоги ему, посади на стул.

Когда я садился, гестаповец, стоявший за моим стулом, поигрывал толстой резиновой палкой.

— Попробуем его с другой стороны,— усмехнулся сидевший за столом.— Философ, переведи ему вот что. Мы тщательно обследовали станцию. Судя по всему, в налете на нее участвовало не больше двадцати бандитов. А он на допросе у коменданта сказал, что партизан было очень много. Зачем он пытается обманывать нас? Или он нас пугает?

— Я сказал тогда неправду.

Выслушав перевод моего ответа, гестаповец, сидевший за столом, переглянулся с тем, на диване.

— Зачем?

— Просто так. Мне надоел рыжий лейтенант.

Мой ответ вызвал хохот гестаповцев.

— Ну, а все-таки, сколько было партизан?

— Не помню.

— Ну, ну, если партизан было немного,— значит, их было мало? Так?

— Если хотите, так.

— Что значит «если хотите»? Мы же знаем точно: вас там было не больше двадцати человек; запомни: не больше двадцати. И если хочешь жить, всюду, где тебя будут спрашивать, называй эту цифру. Не больше двадцати! Понял?

— Да, понял.

— Ну, вот и хорошо. Это только такой идиот, как майор Брант, не мог перебить вас, как бешеных собак. Последнее не переводить! — бросил он переводчику.— Может, ты хочешь спросить что-нибудь? — обратился он к сидевшему на диване.

Тот, смеясь, махнул рукой.

— Ну его к черту! Наговорюсь с ним в Берлине.

Гестаповец, сидевший за столом, взял телефонную трубку и назвал седьмой номер.

— Здесь Гернгросс. Возьмите у меня арестованного. Поместить в одиночку, глаз не сводить. Вечером его увезут в Берлин.— Он положил трубку и вышел из-за стола.— Ну вот и все дело. Майора Бранта можно считать списанным в архив. Как он надоел всем нам, надутый, как индюк, при каждом случае вставляет: «Браухич спросил у меня...», «Я звонил Браухичу...»! А сам глуп, как пробка. Мои люди рассказывают, что на станции он целыми днями решал шахматные этюды или дрессировал своего дога.

Меня отвели в подвал и заперли в маленькой комнатушке без окна. Чуть приметный свет проникал в щель под дверью. Ощупью я нашел в углу кучку соломы и лег на нее. В ушах у меня звенело; голова точно налитая расплавленным свинцом, тяжелая, горячая. Страшно хотелось пить.

Вдруг открывается дверь и входит переводчик.

— Меня послали узнать вашу фамилию.

— Это не имеет для них никакого значения.

— Я понимаю, но мне кажется, вы можете назвать любую фамилию, им это нужно только для заполнения сопроводительного документа.

— Скажите им какую хотите.

— Федоров, Иван Федоров, я так скажу.

— Как хотите.

Переводчик не уходил, топтался возле меня, опасливо посматривая на стоявшего в дверях солдата.

— Что вам еще надо? — спросил я.

— Ничего. Я только хотел, чтобы вы знали, как я вам сочувствую.

— В сочувствии всякой сволочи не нуждаюсь.

— Ну да, ну да! — пробормотал он и ушел. Странный тип.

12

Ночью меня вывели во двор. Гестаповец, заявлявший, что наговорится со мной в Берлине, сел в легковую машину, которая тут же выехала со двора. В это время два солдата возились с замком задней дверцы арестантской машины, никак не могли его открыть.

Стоявший рядом со мной переводчик тихо сказал мне:

— Вы попали в большую игру против майора Бранта, он арестован и тоже отправлен в Берлин. Ваши показания для его судьбы решающие.

— Не хотите ли вы предложить мне спасти вашего майора? — также тихо спросил я.

— Нет, но вы это должны знать.

— Я сам давно все понял.

— Ну да, ну да, я так и думал. Но комендант просил...

Дверь машины с железным грохотом открылась, солдат крикнул мне: «Живей!» Я влез в черную утробу машины, она рывком тронулась и покатилась по булыжной улице. Минут через десять начался асфальт.

Мы приехали на военный аэродром. В темноте виднелись силуэты стоявших в ряд больших самолетов. Вокруг сновали военные. Все службы здесь были под землей, и люди возникали из земли и в нее уходили. Иногда через открытую дверь из подземелья вырывался яркий свет, и тогда раздавался тревожный крик:

— Свет!

Дверь поспешно захлопывалась.

Меня отвели к груде ящиков и приказали сесть. Со мной остался конвойный. Стоило мне чуть пошевелиться, он рычал:

— Не двигаться!

Офицер, который раньше уехал на легковой машине, был уже здесь. Он дважды прошел мимо меня с каким-то военным, раздраженно с ним разговаривая. Потом он появился с каким-то рослым человеком в плаще и без фуражки.

Человек в плаще посмотрел на небо и сказал:

— Нет, разрешить вылет я не могу.

— Всю ответственность беру на себя,— сказал гестаповец.— Я не имею права все сказать вам, но мое дело сверхсрочное, сверхважное.

— А я не имею права разрешить вылет. Авиация противника проявляет большую активность, и зажечь огни даже на десять минут для вашего взлета — это означает поставить под удар аэродром, который в стратегическом отношении тоже сверхважный.

— Я должен быть в Берлине утром.

— Будете днем.

Они помолчали.

— Прикажите соединить меня с Берлином.

— Это можно.

Они снова исчезли в земле.

Тихая, теплая ночь. В черном небе мерцают редкие звезды. Нахожу в небе ковшик Большой Медведицы и определяю север, потом восток. Там, далеко-далеко, Москва.

Где-то ухнули подряд несколько тяжелых, глухих взрывов.

И я снова вспомнил своего партизанского учителя Михаила Карповича, его хрипловатый голос.

«Опять ты, парень, якаешь направо и налево,— говорил мне Михаил Карпович.— Ты же солдат, и у тебя одно главное дело — убивать врагов, которые топчут нашу святую Отчизну!»

Я невольно оглянулся по сторонам и увидел сторожившего меня солдата. Он стоял, прислонившись к груде ящиков, положив руку на автомат. Вот он, враг! Чего же я жду? Убить его! Убить!

Я придвинулся к солдату. Он отшатнулся и качнул стволом автомата. Нетерпеливо переступая с ноги на ногу, я дал ему понять, что мне понадобилось в уборную. Солдат растерянно оглянулся по сторонам. То ли он хотел спросить у кого, как ему поступить, то ли хотел подозвать на помощь. Но поблизости никого не было. Тогда он рывком повернул меня лицом к груде ящиков и, уткнув мне в спину ствол автомата, стал развязывать руки.

— Шнеллер! — прохрипел солдат.

Мгновенно оборачиваюсь, двумя руками хватаю автомат и дергаю изо всей силы вниз. Солдата кинуло на меня, и он ударился лбом о мой подбородок. В это время буквально рядом взвыла сирена. Я думаю, конечно, что сирена вызвана моими действиями, но остановить меня уже не может ничто. Я срываю автомат с шеи солдата и с полного взмаха ударяю солдата по голове. Мой удар вызывает такой оглушительный грохот, что я на мгновение замираю. Оказывается, за грудой ящиков стоят зенитные орудия, и сейчас они открыли исступленную стрельбу. Трассы снарядов натягиваются к звездам, как струны. Солдат лежит у моих ног, он еще живой, вяло цепляется за мои ноги. Я бегу налево. Теперь я вижу зенитки. Они стоят в глубоком котловане шагах в двадцати. Я беру левей котлована и, пригнувшись, стремительно бегу в сторону леса. Загрохотали и другие зенитки. Одна из них стояла на моем пути, обегаю ее. Передо мной возникает силуэт большого самолета, беру еще левее. Я не знаю, сколько я так бежал. Бег оборвался внезапно. Вдруг земля исчезла из-под моих ног. Я пролетел в воздухе и всем телом ударился точно о стену. Не чувствуя боли, озираюсь и вижу, что ввалился в широкую и глубокую канаву. Ноги по колено в воде. Я подпрыгиваю, подтягиваюсь вверх и переваливаюсь через насыпь.

До леса шагов двести, не больше, а здесь уже начинается кустарник. Дикими прыжками мчусь дальше и наконец врываюсь в лес. Останавливаюсь, перевожу дыхание. Тут только замечаю, что из носа ручьем льет кровь. Закидываю голову вверх, но куда там: кровь продолжает хлестать, и, кроме того, возникает ощущение резкой боли: очевидно, я здорово повредил нос.

Новая и совершенно непредвиденная опасность снова возбуждает во мне желание и силы для борьбы. Наши бомбардировщики атакуют аэродром, но бросают бомбы не прицельно, и первая очередь фугасок падает в мой лес. Грохот взрывов повторяется стократным эхом. Одна бомба упала неподалеку от меня. Взрывом вскинуло вверх большую сосну. Она перевернулась в воздухе и рухнула на деревья.

Вторую серию бомб наши летчики положили более удачно: очевидно, попали в бензохранилище. К небу поднялся гигантский столб огня.

Я побежал дальше. Очень трудно было бежать по лесу, освещенному громадным заревом пожара на аэродроме. Тени деревьев метались перед глазами, иногда я принимал их за настоящие деревья и обегал стороной.

Вдруг я почувствовал, что окончательно теряю силы. К тому же зарево внезапно погасло, и меня окружила такая плотная темнота, что я вынужден был двигаться медленным шагом, протянув вперед руки. Ноги тяжелые, точно камни к ним привязаны. Что делать? Ведь на аэродроме сейчас уже опомнились от бомбежки и обнаружили мое исчезновение.

Где спрятаться на день? Долго думал и надумал. Выбрал старую, очень густую ель, влез на нее и на высоте шести метров на сучьях устроил себе подобие логова, которое тщательно замаскировал ветками. Здесь я и лег лицом вниз, чтобы видеть все происходящее на земле. Автомат ремнями укрепил под правой рукой. И сразу незаметно для себя забылся в каком-то странном сне, будто сознания лишился, но все же это был сон и очень чуткий. Я проснулся от какого-то непонятного шума, который медленно приближался и становился все явственней. Оказалось, это дождь, сильный, по-летнему нехолодный и недолгий. Позже выяснилось, что дождь защитил меня от большой опасности.

Конечно, фашисты бросились в погоню за мной. Они появились в лесу еще до восхода солнца, а когда рассвет уже наступил, лес огласил гулкий лай собак. Будь же благословен дождь, смывший мои следы и сбивший с толку собак! Два раза фашисты прошли мимо моей ели. Весь день она была моим домом.

Когда стемнело, я слез с дерева. От лежания на сучьях все тело ныло. Я чувствовал страшную слабость и острое ощущение голода. Пошел прямо на восток.

Летние ночи торопливы, но на этот раз ночь показалась мне особенно краткой. Передо мной открылась болотистая низина. Раздумывать о маршруте было бесполезно, надо идти на восток. Однако шагать по зыбкой, мшистой земле было куда трудней, чем по лесу. И все же рассвет застал меня уже довольно далеко от леса, он еле виднелся на горизонте. А низине, казалось, не было конца, и спрятаться негде. Чахлый редкий кустарник — плохое убежище. Зарыться в мокрую, чавкающую землю тоже неразумно. Словом, я решил идти напропалую дальше.

Когда солнце всплыло над землей, я подошел к берегу реки. Мне повезло: в осоке я обнаружил ялик, а в нем под сиденьем — брезентовый мешочек, в котором была окаменевшая краюха ржаного хлеба. Да простит меня за все хозяин ялика, и огромное ему спасибо! Хлеб я размочил в воде и мгновенно съел, ялик вытащил из осоки, прыгнул в него и оттолкнулся от берега. Стал думать, куда плыть: по течению или против? Увы, если продолжать движение на восток, надо плыть против течения. Другого выбора не было. На той стороне реки вдалеке виднелись постройки, и показываться там было безрассудно.

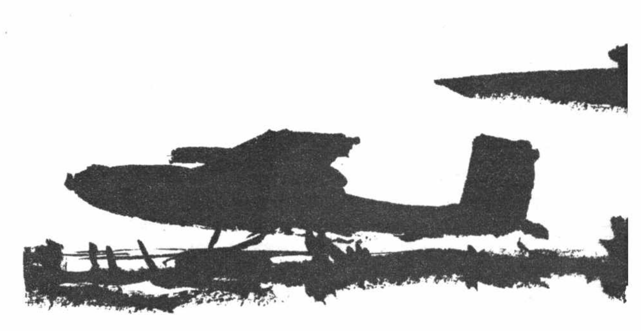
Речка была мелкая. Хорошо, что я взял лежавший на берегу шест, им я и толкал свой ялик. Позже я догадался выломать поперечное сиденье, и у меня появилось что-то вроде маленького весла. Даже против течения ялик двигался довольно резво.

В полдень я сделал привал. Причалил к заводи, затемненной густым лозняком, привязал ялик к кусту и растянулся на его дне. Так я проспал, наверное, часа два. Проснулся от голода. Сел и тупо смотрю в воду. В серо-зеленом речном царстве шевельнулись водоросли, вместе с ними шевельнулась и их тень на желтом песке. И я вижу, как из-под водорослей вылезает рак. Он ползет по песку к берегу и потом ловко взбирается по крутой стенке до чернеющей дырки и скрывается в ней. Чуть правей — другая дырка, и из нее высовывается рачья клешня.

Никогда не любил раков вареных, а тут досыта наелся сырыми. Сразу ожил, повеселел и даже без всякого на то основания решил, что все у меня теперь пойдет хорошо. Что раздумывать? В путь! Отвязываю ялик, беру в руки весло — и плавание продолжается. Теперь у меня есть развлечение: я смотрю, как ползают по дну ялика наловленные мною раки — это мой продовольственный запас.

Время от времени я причаливал, выбирался на берег и осматривал местность. Картина была пока все та же: слева — бескрайняя пустая низина, а справа — земля обжитая. То там, то здесь, то ближе к реке, то дальше от нее виднелись постройки. Единственно, что заметно изменилось,— это сама речка: она становилась все у́же.

На другой день я увидел впереди черневший на горизонте лес. Ну, вот и прекрасно! Я думал, что к вечеру доберусь до него, но я плыл весь день, а лес по-прежнему оставался на горизонте. Речка стала труднопроходимой для моего ялика, местами она была шириной не больше метра. И она делала немыслимые петли; на крутых ее поворотах возни не оберешься, пока протолкнешь ялик вперед. А то еще пошли отмели, одна за другой; на каждой приходилось вылезать и тащить ялик волоком. В заключение я обнаружил, что моя речка вдруг резко свернула в сторону и продолжать плыть по ней означало бы удаляться от спасительного леса.

В последний раз я воспользовался благами речки и набил раками мешок, сделанный из нижней рубашки. Запихнув ялик поглубже в осоку, я вылез на берег и пошел болотом в сторону леса. Добрался я до него только на другой день и то к самому концу.

Теперь я знаю, что вышел на закраину знаменитой Гродненской пущи, но тогда я видел просто лес, даже не очень рослый и густой. И вот тут, в самом начале леса, мое благополучное путешествие чуть не оборвалось.

Произошло это так... Я осторожно шел в сумрачной предвечерней сини, особенно густой вблизи леса. Шел, озираясь, как затравленный зверь. Когда я был буквально в нескольких шагах от леса, я увидел вспышку огонька, словно кто в лесной чаще или спичку зажег, или чиркнул зажигалкой. Несколько минут я стоял на месте не шевелясь — ничего подозрительного не было видно и слышно. Снова пошел, но взял правее того места, где был огонек, старался ступать бесшумно и все время следил за тем опасным местом.

Вскоре я вошел в лес. Продолжая двигаться крайне осторожно, я углубился в него примерно на километр. К этому времени я уже решил, что огонек мне померещился, и чувство опасности постепенно притупилось. Вдруг я почуял запах паленой хвои и остановился. Подумалось: а вдруг это партизаны? Обостренный слух уловил потрескивание костра. Сверхосторожно я пошел в сторону этого звука. Сделаю шаг и замираю на месте: слушаю, смотрю.

И вот я увидел отраженный на стволе сосны зыбкий отблеск костра. Подошел еще ближе — до костра оставалось шагов пятнадцать. И картина мне открылась такая: костер горит в глубокой ямке, а возле него, друг против друга, сидят два гитлеровца. На коленях у них автоматы. Один из гитлеровцев привстал и вынул из костра жестяную коробку. Он поставил ее возле себя. Другой придвинулся к нему поближе, и они начали есть разогретые консервы. Я услышал запах вареного мяса, рот у меня наполнился слюной. Я пишу сейчас про это только потому, что честно хочу сказать: многое в принятом мною решении шло от голодной злости, и, наконец, решительность, которая при этом была проявлена, стоила, в общем, недорого, ибо не такое уж смелое и хитрое дело — с

пятнадцати шагов полоснуть из автомата по освещенным костром фашистам.

Для верности я угостил их щедрой, длинной очередью. Потом подошел к костру. Гитлеровцы были мертвы. Первое, что я сделал,— доел их мясные, чертовски вкусные консервы. Потом занялся их имуществом. В вещевых мешках я обнаружил солидный запас — четырнадцать банок. В металлических флягах оказался разведенный спирт. В кармане одного из убитых я нашел тщательно сложенную карту местности с непонятными отметками.

Я торопливо притушил костер, забросил свой автомат на дерево и взял автоматы убитых.

Один вещевой мешок, наполненный консервными банками, я укрепил на спине, документы гитлеровцев и их карту я спрятал на груди под рубашкой. Быстрым шагом я углубился в лес. Шел почти всю ночь. Лес становился все гуще и все более диким. То и дело приходилось продираться через буреломы. Иногда я десятки метров полз по липкой земле под сплошным сводом упавших деревьев и задыхался от тяжелого запаха гниющей древесины.

Когда я пролез под очередным завалом, уже светало. Решил устроить привал. Место подходящее: в случае чего можно нырнуть в завал, и выковырять меня оттуда будет нелегко. Взятым у немцев кинжалом я открыл коробку мясных консервов, мигом ее опустошил и глотнул разведенного спирта. Сразу обмяк, и меня потянуло в сон. Часа три спал как убитый. Очнулся от солнечного луча, который, пробившись сквозь деревья, коснулся моего лица. Сонливость как рукой сняло. Вынул из-за пазухи документы фашистов и начал их внимательно рассматривать. У одного все документы — солдатская книжка и неоконченное письмо в Германию, судя по всему, какой-то девушке. Письмо злое, похабное, но была в нем одна строчка, кое-что мне объяснившая. Солдат, укоряя свою адресатку в легкомысленном поведении и, видимо, желая усилить свое право на эти укоры, сообщал ей, что его батальон отправляется на блокирование партизанского леса, где, как он выражался, «потерять голову легче, чем тебе расстегнуть лифчик». Ну, что же, он написал правду. Другому немцу, кроме солдатской книжки, принадлежал еще блокнот, внутри которого было несколько семейных фотографий и письмо от отца из Бремена. Записи в блокноте особого интереса не представляли. Почему-то этот солдат любил записывать разные изречения. Большое впечатление на меня произвело письмо из Бремена. Отец просил сына беречь себя и не лезть под пули. И сразу после этого совета письмо приобретало такой характер, будто тот, кому оно было адресовано, был не на войне, а в универсальном магазине. Один за другим следовали отцовские заказы сыну: подыщи кожаное пальто пятидесятого размера и обязательно на меху, который отстегивается. Точно такое пальто отец видел у букиниста Шваба, которому этот дорогой подарок прислал из России племянник. А бабушке нужен белый, метр на метр, шерстяной платок с бахромой по краям. И еще хорошо бы получить мужское нижнее белье, которое в России почему-то называется охотничьим, оно серо-грязного цвета и сделано из какого-то пуха. Наконец, отец просил сына присматривать во всех русских деревнях древние иконы и поучал его, что иным иконам нет цены. И тут он тоже ссылался на пример все того же образцового племянника букиниста Шваба.

Я и до этого, конечно, знал, что фашисты мародерствуют в нашей стране и шлют родственникам посылки с награбленным добром, но впервые я сам столкнулся с конкретным грабителем. Я видел семейную фотографию бандита. Семейка снялась в садике на фоне цветочной клумбы, увенчанной каким-то блестящим шаром. Я видел и того самого папашу, который так хорошо знал цену иконам. Я видел бабушку, ждущую теплый платок с бахромой по краям. В центре группы стоял пустой стул, под ним на фотографии было написано: «Это твое место, оно тебя ждет».

— Не дождется,— сказал я вслух и вдруг ощутил огромную радость и гордость от сознания, что это я, никто другой, а я уничтожил и этого бандита, и его приятеля, и того, третьего, там, на аэродроме. Я воюю, дорогой Михаил Карпович, я воюю — вот что это означает! Я выполняю свой святой долг солдата, вместе со своим народом я защищаю свою Родину.

Вместе со своим народом! Нелегко было произнести это, сидя возле бурелома, когда вокруг мерно гудел дикий лес, когда вся обстановка кричала, что я здесь один.

Я встал, забросил за плечи два автомата, на спину вещевой мешок и пошел дальше в глубь леса.

Я шел по лесу целый день, продолжая держать направление на восток. Сумерки упали как-то внезапно, а затем быстро наступила темная, глухая ночь. Лес шумел тихо и, как мне казалось, настороженно. Я продолжал идти, как вдруг меня остановил звук сломанной сухой ветки. Я замер. Справа чуть слышный шелест кустарника, будто кто быстро прошел мимо меня шагах в двадцати. Стою, не шевелюсь, прислушиваюсь. Приготовил автомат. Раздается отчетливый металлический щелчок. Опять долгая тишина, слитая с ровным шумом леса. Решаю идти дальше. В конце концов какой толк от того, что я буду стоять на одном месте? Ступаю осторожно, почти неслышно, и вдруг впереди, прямо передо мной, хриплый голос командует по-русски:

— Стой!

Стою. Сердце бьется так громко, будто рядом кто-то колотит в барабан. Мысль только одна: «Крикнули по-русски».

— Свой! — произношу я негромко и тотчас слепну от ударившего мне в глаза яркого света. Инстинктивно укрываюсь от него рукой.

— Бросай оружие!

Послушно бросаю автоматы. Ничего не вижу, кроме этого нестерпимо яркого глаза электрического фонарика. Голоса все ближе, слышу, что ко мне приближаются люди с двух сторон. Вспоминаю о кинжале, засунутом в голенище сапога,— в случае чего воспользуюсь им. Глаз фонарика погас. Приказ оттуда:

— Иди сюда.

Теперь фонарик светит уже не в глаза, а чуть в сторону от меня, и я вижу человека с автоматом в руках.

— Иди за ним.

Я иду за этим человеком и слышу, что справа, слева и позади меня идут люди. Кто они? Свои или враги? Единственное успокоение, что я слышу русскую речь. Я не знаю, сколько мы так шли. Потом впереди послышался какой-то ритмический звук. Вскоре я понял: это работал маленький движок. Тут же я услышал и совсем невероятное — приглушенный перепев гармошки. Голос из темноты впереди:

— Стой, кто идет?

— Свои.

Фонарик погас. Два голоса перебросились непонятными словами.

— Одну минутку,— весело произнес кто-то и побежал...

Мы остались стоять: я и неизвестные мне люди.

Потом меня ввели в громадную землянку, ярко освещенную свисавшей с потолка голой электрической лампочкой и стоявшей на столе карбидной лампой. За столом сидел грузный, седой, как лунь, мужчина в матросской тельняшке. Над ним в рамке из необделанной березы висел портрет товарища Сталина.

Меня начало трясти, как в лихорадке, и я заплакал.

— Дайте ему воды. Помогите сесть,— сказал седой и кивком головы показал на лавку у стены.

Я сел, понемногу пришел в себя.

— Кто вы такой, как вы здесь оказались?

Я рассказывал сбивчиво, многословно. Вдруг меня обжег страх, что мне не поверят, и стал говорить еще путаней.

Седой чуть поднял руку.

— Подождите, не торопитесь. Отвечайте на вопросы. Кто вы, откуда? Как оказались в этих местах?

Я замолчал, собираясь с мыслями, а потом заговорил уже спокойнее.

Не знаю, сколько я говорил, но седой слушал меня очень внимательно, изредка кивал головой и посматривал на молодого человека в плаще, который стоял возле двери. Я закончил рассказ и положил на стол документы убитых мною гитлеровцев, кинжал и вещевой мешок. Потом я попросил разрешения раскроить голенища сапог и вынул из-за подклейки свои личные записки о начале войны. Молодой человек в плаще подошел к столу, и вместе с седым они долго рассматривали документы. Потом седой сказал молодому:

— Отведи его в бункер номер четыре.

— Идем! — сказал тот и пошел впереди меня.

Утром я уже знал, что нахожусь в большом партизанском отряде, оседлавшем кра[illegible]одненской пущи.

Продолжение следует.

В. И. Ленин и Я. М. Свердлов на площади Революции в Москве перед открытием временного памятника К. Марксу и Ф. Энгельсу. 7 ноября 1918 года.

Это на всю жизнь

Б. ИВАНОВ,
член КПСС с 1906 года

«Край черных дней и белых ночей». Так еще со времен народовольцев называли Туруханский край, считавшийся одним из самых тяжелых мест ссылки. Туда-то в 1915 году и пришлось мне отправиться. Разумеется, не по собственной воле.

В нашей пересыльной партии было 240 арестантов. Путешествие продолжалось несколько месяцев. Сначала нас везли по железной дороге из одной тюрьмы в другую, пока мы не добрались до Красноярска. Там погрузили на баржу, превращенную в плавучую тюрьму, и небольшой буксирный пароходик потащил нас вниз по Енисею. Постепенно наши ряды редели. Часть товарищей отправили в ссылку в Приангарье. Других довезли до Енисейска и здесь посадили в местную тюрьму. Наконец из всей нашей партии остался лишь я один. Мой путь был самый дальний — в Туруханский край.

Предстояло плыть в лодке по Енисею сотни верст — длинный, утомительный, невеселый путь. И вот однажды перед заходом солнца наше суденышко подплыло к высокому берегу, на котором раскинулось село Монастырское, место моей ссылки. Лодка вонзилась в песчаную отмель. И в ту же минуту я увидел на берегу человека с собакой. Он быстро бежал вниз. Это был Яков Михайлович Свердлов.

Добродушно улыбаясь, поблескивая стеклами пенсне, он пожал мне руку и твердым голосом сказал:

— Мы уже здесь слышали, что идет этап, и думали, не подкинут ли нам сюда еще одного человека? И вот ваша милость пристала к нашим пустынным берегам.

Сделав паузу и улучив минуту, когда стражник с возницей вытаскивали лодку на берег, Свердлов чуть слышно проговорил:

— Можно узнать, к какому лагерю вы примыкаете: к «мекам», или к «бекам», или еще к иным? [1].

— Примыкаю к большевикам,— ответил я и сразу же почувствовал крепкое рукопожатие.

— Это неплохо. Значит, нашего полку прибыло.

Свердлов тут же повел меня к себе.

Жил он с семьей в небольшой избе, окна которой выходили на Енисей. Обстановку составляли деревянные скамьи, небольшой столик, покрытый газетой, на котором лежала стопка книг. Среди них был первый том «Капитала» Карла Маркса, немецкая книга и раскрытый номер журнала «Русское богатство». На подоконнике — объемистая пачка газет.

Яков Михайлович тут же забросал меня вопросами. Все они были об одном: как идет в России партийная работа? Каково отношение народа к войне?

Несмотря на то, что Яков Михайлович давно уже был оторван от внешнего мира, чувствовалось, что знал он о многом.

Я рассказал о забастовках рабочих-металлистов и пекарей, о столкновении рабочих с хозяевами на заводах Лесснера, Айваза, Эриксона, о распространении нелегальной большевистской литературы, о том, как среди рабочих растет число сочувствующих большевикам.

Яков Михайлович внимательно слушал меня, прохаживаясь по комнате, а потом сказал:

— Пока ты рассказывал, мне казалось, будто я снова живу в столь знакомом мне мире борьбы и шагаю по улицам Выборгской стороны. Но, увы, по-прежнему из моего окна сегодня, как и вчера, виден все тот же кедр и та же хмурая тайга.

Он помолчал, решительно махнул рукой:

— Когда-нибудь настанет лучшая пора!

С помощью Якова Михайловича я подыскал себе жилье. Он заботливо помог мне устроиться, достал железную печку, дал три оленьих шкуры, чтобы постелить на пол.

— Вот денька два-три поживешь, приглядишься к нашей жизни, познакомишься с народом, тогда, милости прошу, пойдем в лес ставить дрова.

«Ставить дрова» — это на местном языке означало заготовлять дрова на зиму.

Свердлов не случайно заговорил со мной о физической работе. Яков Михайлович справедливо считал, что в условиях ссылки на Крайнем Севере, в полярной ночи, только напряженная работа помогает развеять тоску.

Сам он спал не больше пяти-шести часов, а все остальное время был непрерывно занят.

В шесть утра он уже на ногах. Его жена Клавдия Тимофеевна ведала местной метеорологической станцией, а все наблюдения, записи вел Яков Михайлович.

Рано утром он мчался на лыжах на Енисей, измерял толщину снежного покрова, температуру воды, направление ветра и все это записывал. Частенько, чтоб раскачать какого-либо товарища от спячки и тоски, он заходил за ним, вытаскивал из постели и тащил с собой.

Помню, как-то в самый разгар полярной ночи Яков Михайлович появился в моей хижине и начал меня тормошить.

— Да разве можно так долго спать? Ведь этак ты наживешь цингу. Вставай, вставай! Одевайся побыстрее!

То на лыжах, то на собаках Свердлов совершал сравнительно далекие прогулки, заезжал в кочевья местных жителей. Приедет в чум, там его усадят около очага и угощают кирпичным чаем, смешанным с рыбьим жиром.

Для непривычного человека вкус такого чая был отвратителен, и я, например, пить его никак не мог. А Яков Михайлович, чтоб не обидеть хозяев, пил, не показывая даже виду, как ему это трудно. Сидит, прихлебывает чай и заводит разговор с хозяевами о рыбной ловле, охоте и о том, что происходит на отдаленных кочевьях. После таких поездок он писал статьи, которые изредка печатались на страницах томской газеты «Сибирская жизнь».

Жил Яков Михайлович по твердому расписанию. Утром, придя с Енисея, топил печку и готовил завтрак для всей семьи. (Когда к нему в ссылку приехала жена с двумя детьми, он купил корову и сам доил ее, убирал навоз, носил на зиму сено), затем с утра садился за книгу — переводил с немецкого — либо с карандашом в руках читал «Капитал» Маркса.

Помню, я удивлялся, что он может так вот, несколько месяцев подряд, изучать одну и ту же книгу, успевая за день прочесть всего две-три страницы. Однажды я высказал свое недоумение Якову Михайловичу.

[1] «Беки» — большевики, «меки» — меньшевики.

Улыбнувшись, он мне ответил:

— У Маркса на двух-трех страницах больше мыслей, чем у другого в целой книге. Чтоб понять эти мысли, надо продумывать каждую его строку, каждое слово.

Закончив занятия, Яков Михайлович снова принимался за домашнюю работу. Он умел делать все: и готовить обед, и печь хлеб, и сибирские булки со сметаной, называемые шаньгами, и ловить рыбу. Как-то раз даже выудил осетра весом около пуда.

Все это Яков Михайлович делал ловко, быстро, а потом снова принимался за другие дела. Одного товарища обучал политической экономии, а тот преподавал ему высшую математику. Вел обширнейшую переписку с ссыльными. Читал лекции и делал доклады.

В декабре 1916 года меня и еще нескольких товарищей — политических ссыльных забрали в армию. Провожать нас вышла вся колония и население села Монастырского. Собрались на крутом берегу Енисея. Минуты прощания. Последние рукопожатия, товарищеские объятия и доносящийся сквозь завывание метели голос Свердлова:

— До свидания, друзья! Крепче держите в руках ружья и знайте, в кого они должны быть направлены! День нашей встречи не за горами!

Стражник, который нас сопровождал, заметался.

— Довольно, кончай! — кричал он.— Призывники, садитесь в сани!

В этот момент снова зазвучал голос Якова Михайловича. Он запел «Варшавянку», и эту песню подхватили все ссыльные:

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут...

Через три месяца после нашего отъезда из Монастырского произошла Февральская революция.

Яков Михайлович не захотел ждать, когда пройдет лед и на Енисее откроется навигация. На санях, по льду он отправился в тысячеверстное путешествие. Когда Свердлов приближался к Красноярску, уже потеплело, на льду выступила вода, появились трещины и разводья. Сани несколько раз едва не провалились.

21 марта Яков Михайлович добрался до Красноярска. Железная была натура у этого человека! Проделав такое тяжелейшее путешествие, он прямо с дороги явился на собрание красноярских большевиков и выступил с пламенной речью, в которой беспощадно бичевал трусов и колеблющихся, призывая к решительным революционным действиям.

Я был тогда рядовым 14-го Сибирского стрелкового полка. Солдаты выбрали меня депутатом Красноярского Совета Рабочих и Солдатских депутатов. Большая группа солдат-большевиков, в том числе и я, пришла провожать Якова Михайловича, уезжавшего в Петроград.

В мае 1917 года командование полка дало мне отпуск, и я поехал в Петроград. Там снова встретился с Яковом Михайловичем. Мы договорились, что в полк не вернусь, а останусь в Петрограде, где нужны были партийные работники...

Однажды (это было уже в Москве после Октябрьской революции) Яков Михайлович Свердлов вызвал меня к себе и сказал:

— Ты, Иванов, по профессии пекарь, знаешь хлебное дело, а нам сейчас нужны организаторы пищевой промышленности. В Высшем Совете Народного Хозяйства создан сектор пищевой промышленности. Вот туда и пойдешь работать.

Я стал было возражать: какой из меня хозяйственник! Ведь я простой рабочий, пекарь. И где уж мне справиться с крупной хозяйственной работой. Но убедить в этом Якова Михайловича не смог.

— Справишься. Раз партия поручает, надо выполнять.

Прошло немного времени, и меня перевели на самостоятельную работу председателем Коллегии Главного управления мукомольной промышленности. Я тут же отправился к Якову Михайловичу. Вошел к нему в кабинет и заявил:

— Не пойду я на эту работу. Я пекарь. В мельничном деле ничего не смыслю. Я даже ни разу в жизни не бывал на механических паровых мельницах. Как же я смогу ими управлять?

Яков Михайлович добродушно усмехнулся и сказал:

— Ты пекарь, а я аптекарь, да к тому же малоопытный. И вот тоже поставлен партией на такую работу, которая мне и во сне не снилась. Сейчас мы отбираем мельницы у прежних хозяев и передаем их в руки государства. Во главе каждой мельницы ставим свое заводоуправление. Подберешь опытных инженеров, техников, бухгалтеров. Будешь у них учиться управлять промышленностью и их учить работе по-новому, по-большевистски.

Постучав пальцами по небольшой записной книжке, лежавшей перед ним, он добавил:

— Я мог бы назвать тебе десятки и сотни фамилий таких же простых рабочих, как и ты, которых мы сейчас направляем возглавлять крупнейшие отрасли промышленности... Мы взяли в руки власть, значит, нам надо управлять хозяйством страны.

Работа была трудная, тяжелая, но я постоянно чувствовал помощь и поддержку Якова Михайловича. Он часто меня вызывал, беседовал со мной, помогал подбирать людей. И позже, много лет спустя, когда встречались на моем пути трудности, я вспоминал Якова Михайловича Свердлова и его крепкое рукопожатие там, на берегу сурового Енисея. Это на всю жизнь.

Большой художник

Народный артист СССР Н. П. Охлопков.

Есть люди, чей талант не только не угасает с годами, но становится ярче, многограннее, притягательнее. К таким вечно молодым художникам принадлежит Николай Павлович Охлопков.

Человек незаурядного таланта, неиссякаемой творческой энергии, он никогда не довольствуется достигнутым, хотя сделано им немало, а всегда ищет новое, дерзает, экспериментирует — творит.

Очень показательно, что Охлопков свою деятельность начал с постановки массовых народных представлений на городской площади. Было это в Иркутске в 1918 году. И с тех пор он всегда стремится к искусству больших форм и масштабов.

Зритель знает Охлопкова как руководителя Московского театра имени Маяковского, театра с очень интересным, многообразным репертуаром, на сцене которого он познакомился со многими лучшими пьесами советских драматургов. Зритель знает Охлопкова как замечательного постановщика опер советских композиторов в лучших музыкальных театрах страны. Советский зритель знает Охлопкова — создателя превосходных образов в кино. Вспомним хотя бы Василия в фильмах «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году».

А мы, актеры, любим и ценим замечательного нашего товарища Колю Охлопкова. Мне довелось с ним сниматься в фильме «Александр Невский», который ставил Эйзенштейн. Коля (иначе мы его не будем называть и тогда, когда будем отмечать 100 лет со дня его рождения), так вот Коля покорил всех нас не только своей работоспособностью, глубоким проникновением в образ, но жизнерадостностью и огромным человеческим обаянием. В нелегкой работе кино Николай всегда создавал веселую, радостную творческую обстановку. И это было даже тогда, когда в сорокаградусную жару мы в тяжелых одеждах снимали труднейшую сцену ледового побоища.

Нет, ему не 60, а всего лишь дважды по 30. Он поюношески молод и дерзновен. Советский зритель еще не раз будет аплодировать его высокому мастерству.

Народный артист СССР
Н. ЧЕРКАСОВ

Награда за подвиг

15 мая этого года в двадцатом номере «Огонька» был напечатан очерк А. Старкова «Сильная душа» о подвиге Николая Андреева — сцепщика вагонов станции Смоленск-Сортировочная,— спасшего жизнь товарища по работе. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 мая 1960 года Николай Васильевич Андреев награжден орденом «Знак Почета». Герой-железнодорожник поправляется.

На снимке: Н. В. Андреев в больничном саду с друзьями Ю. Чижовой, Н. Д. Митченковым и хирургом И. М. Цикаревым.

Фото П. Гальчинского.

Ирина Пресс преодолевает высоту 157 сантиметров.

Фото Б. Светланова.

ЕСТЬ—МИРОВОЙ!

Стадион волновался. Ни для кого не было секретом, что толкание ядра — слабое место Ирины Пресс, что пролети оно хоть на полметра дальше, чем обычно, и трудно будет устоять мировому рекорду в пятиборье.

... Два дня, 21 и 22 мая, на новом тульском стадионе — «Лужниках», как его здесь называют,— состязались легкоатлеты Москвы, Ленинграда, РСФСР, Украины. Весенний матч «большой четверки» стал традиционным, и он, как правило, приносит выдающиеся достижения.

Когда Ирина Пресс с первой же попытки толкнула ядро на пятнадцать метров — так далеко, как никогда еще ей не удавалось,— были радостно удивлены, пожалуй, все, кроме самой Ирины. После окончания соревнований она рассказала, что еще зимой начала «укрощение строптивого» снаряда. У нее хорошие учителя — старшая сестра Тамара, рекордсменка мира, и тренер Виктор Ильич Алексеев, школа которого славится отличными метателями.

Ирина Пресс сразу же повела борьбу с противником невидимым — мировым рекордом. Чуть не подвели ее прыжки в высоту: она преодолела планку, установленную в 157 сантиметрах от земли — на сантиметр хуже, чем в прошлом году при установлении мирового достижения. Но когда закончился бег на двухсотметровой дистанции, все, кто был в это время в тульских «Лужниках», поняли, что рекорд доживает последние часы. Легко и красиво бежала Ирина по гаревой дорожке, отстали соперницы. Стрелки секундомеров остановились через 24,3 секунды после выстрела стартового пистолета.

80 метров с барьерами за 11,2 секунды — и один только шаг остался до заветного рубежа. А когда судьи объявили, что Ирина Пресс прыгнула в длину на 5 метров 76 сантиметров, стадион устроил овацию девушке.

4 902 очка в сумме пятиборья — такого результата не добивался еще ни один человек в мире! Старый рекорд улучшен на 22 очка.

Когда я спросил Ирину Пресс, каковы ее планы на будущее, она долго не думала над ответом:

— Я уверена, что мое достижение не предел, значит, можно будет его еще раз «потревожить». Очень хочется поехать в Рим. Но пятиборье не входит в программу олимпиады, думаю попытать счастья в барьерном беге.

А. СРЕБНИЦКИЙ

ФАРТУК «АНТАРКТИДА»

С утра в Доме ребенка ждали гостей. Слово «подарки» не сходило с уст. Его повторяли и сестры, и няни, и — каждый на свой лад — малыши. Наконец 12 часов дня. Пришли девочки в школьной форме, с алыми пионерскими галстуками. Они несли большие картонные коробки. А в коробках аккуратно сложены голубые рубашки и черные штанишки для мальчиков, белые трусики с кружевами, пестрые ситцевые платья, халатики для девочек и 55 пар матерчатых тапочек. Их приготовили ученицы пятых, шестых и седьмых классов 232-й московской школы.

...Когда в школе ввели уроки домоводства, преподаватель шитья Надежда Абрамовна Сатарова начала занятия, как это и полагалось по программе: показала ученицам наметку, различные швы, как строчить на машине. Но очень скоро она заметила, что такая работа скучна девочкам. Надо, чтобы ученицы, обучаясь, создавали полезные вещи. И однажды Надежда Абрамовна, придя в класс, сказала:

— С сегодняшнего дня мы начинаем шить фартуки.

По классу прошел гул разочарования:

— Да ну, фартуки...

— Но ведь не обязательно сшить простой, скучный фартук. Можно украсить его, и каждый фартук будет оригинальным, непохожим на другие.

Дома мамы усомнились в том, что девочки сами смогут сшить что-либо путное, и остереглись дать им хорошую материю. Одной шестикласснице мама пожертвовала всего лишь старую простыню.

— Не стоит огорчаться,— сказала девочке учительница. — По краям ты вышьешь пингвинов, и выйдет прекрасный фартук. Мы назовем его «Антарктида».

Из куска темно-синей ткани получился фартук «Спутник», из голубой в полоску — «По морям, по волнам». Когда показывали в школе работы юных швей, много учеников собралось в актовом зале. В жюри, кроме преподавателей, были мальчики. Самым красивым фартукам присудили премии.

А потом Н. А. Сатарова предложила помочь подшефному Дому ребенка: сшить малышам платья, штанишки.

— Вы даже не представляете, какое чудесное дело вы задумали, — сказала директор Дома Александра Михайловна Доброхотова. — У нас давно уже лежит материал. Из него выйдут хорошие летние костюмчики. Нам нужны еще тапочки для танцев, а заказать их некому...

Над этим заказом работали поточным методом. Одна группа кроила, другая сметывала, третья шила на машине. За каждый участок отвечали «отделы технического контроля», готовую продукцию принимали представители всех классов.

— Какие наши малыши нарядные, красивые в ваших вещах! — говорили работники Дома ребенка.

Л. ГОРОХОВСКАЯ

Подарки привезли!
Фото О. Кнорринга.

Ракетки в маленьких

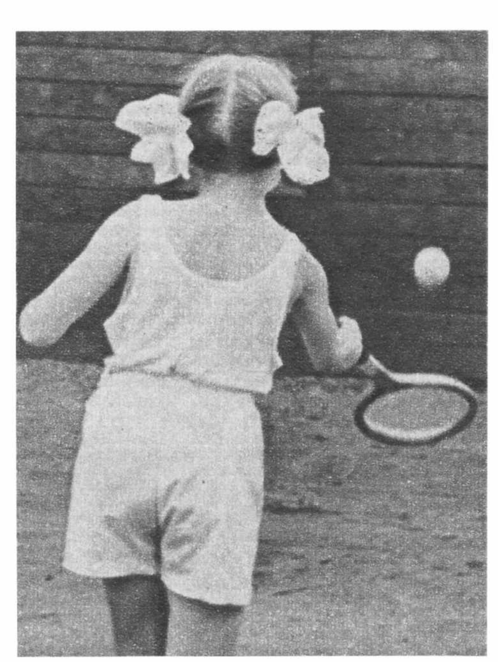
Этот юный теннисист, Вова Молчанов, явно в боевом настроении.

Никогда не бывает здесь в одиночестве тренер Нина Сергеевна Теплякова.

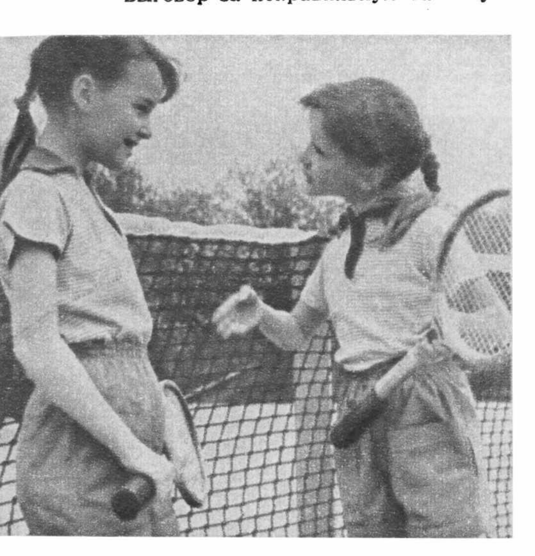

Играть с полной ответственностью — это значит играть, взявшись за ракетку обеими руками...

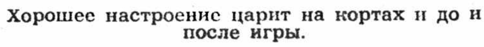

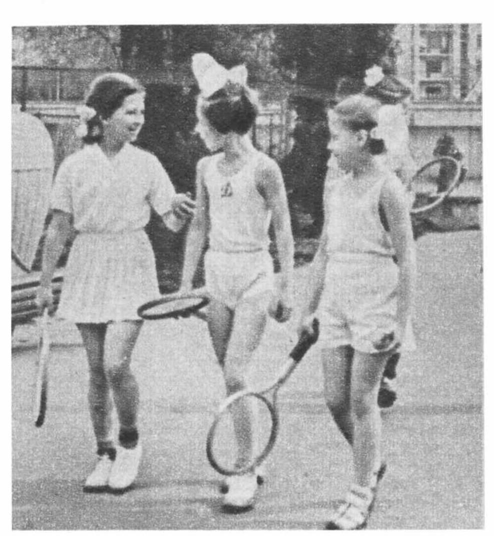
Новичков ставят один на один со стенкой.

Кто никогда не ощущал, как звенит в руке ракетка после удара по мячу, кто не следил за трассирующим полетом мяча над сеткой, тот может позавидовать теннисистам «Юного динамовца». На кортах недалеко от центральной арены московского стадиона «Динамо» с утра до сумерек идет игра. Площадки не пустуют ни минуты. И если вы хотите увидеть будущих больших мастеров, приходите сюда посмотреть на юных спортсменов, на ракетки в маленьких руках!

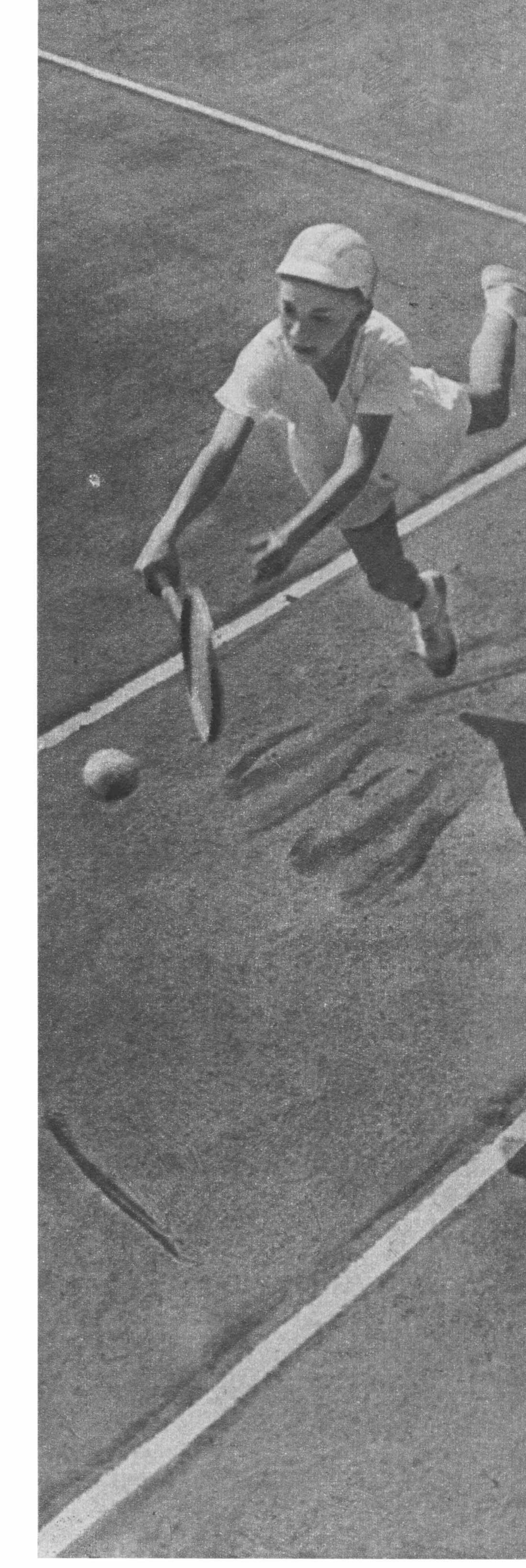

Выговор за неправильную тактику.

Хорошее настроение царит на кортах и до и после игры.

Трудный мяч.

Фото А. БОЧИНИНА

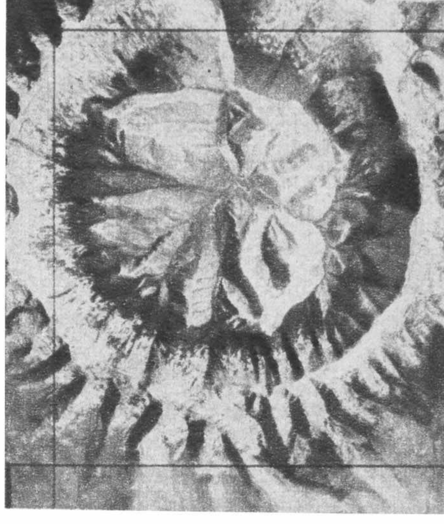

«ЛУННЫЙ КРАТЕР» НА ЗЕМЛЕ

В Учуро-Майском районе, Хабаровского края, расположен кольцевой хребет «Кондер», который удивительно похож на лунный кратер. Он имеет форму правильного кольца, внешний диаметр которого у подножия хребта — 8—10 километров. Средняя высота его колеблется в пределах 1 300—1 350 метров. Самая низкая точка дна внутри кольца — ниже гольцового борта почти на 700 метров.

Весьма возможно, что хребет «Кондер» по происхождению является родственником своих собратьев на Луне. Поскольку о механизме образования лунных кратеров до сих пор ничего не известно, изучение этого хребта может представить большой интерес. Целесообразно организовать на «Кондере» гидрометеорологическую станцию с расширенной программой наблюдений.

Г. ЧИСТЯКОВ,
научный сотрудник Якутского филиала АН СССР

Кольцевой хребет «Кондер». Вид с самолета.

Месторождение, открытое в музее

Исполнилось 200-летие минералогического музея. И когда отмечалась эта дата, я не мог не вспомнить моего учителя и друга Николая Алексеевича Смольянинова. В течение многих лет он был хранителем музея. Все свободное от лекций и занятий со студентами время Николай Алексеевич отдавал многочисленным образцам, поступавшим в музей со всех концов страны.

Шли годы первой пятилетки. Изучая коллекцию П. К. Алексата, умершего в 1913 году химика и минералога Московского университета, Н. А. Смольянинов встретил обломок невзрачной серой породы с крупинками голубоватого минерала. Яркий и свежий цвет минерала ласкал глаз. Сравнительно легко он был определен. Хризоколла! «Хризос» по-гречески — золото, «колла» — клей.

Образец по внешнему виду почти не отличался от других своих собратьев по коллекции, но мелкие зерна голубовато-зеленой хризоколлы скрашивали однотонный серый его цвет, а тяжелый против обычного вес камня говорил о другой природе невзрачного обломка.

Многие минералы в природе нередко сопровождают друг друга. У хризоколлы тоже бывает спутник — шеелит. По химическому составу, условиям образования и физическим свойствам они резко отличаются друг от друга.

«Не шеелит ли это?» — мелькнула мысль у ученого. Образец был отмыт от пыли и грязи, но баня не прибавила красоты камню.

Тогда уже широко применялся люминесцентный метод определения минералов. В лучах кварцевой лампы неизвестный образец засветился ярким голубым светом. Невзрачный и заброшенный в дальний угол музейного подвала обломок камня заговорил и назвал себя своим именем — шеелит. Но люминесцентный анализ требовал химического подтверждения... И вот образец раскололи и несколько граммов растерли в порошок для анализа. Он подтвердил: перед взволнованным хранителем музея был обломок вольфрамовой руды, — минерал, названный в честь шведского химика Шееле, впервые открывшего вольфрам в этом сером минерале.

Но определение минералов в обломке породы — еще не открытие месторождения. Его предстояло найти на территории огромной страны.

В записи журнала поступлений за 1910—1912 годы было указано, что коллекцию прислал неизвестный Н. А. Смольянинову П. С. Назаров. Место находки — один из отрогов Тянь-Шаня.

О находке Н. А. Смольянинов доложил в ВСНХ. В район предполагаемого месторождения была послана экспедиция. Горячее солнце выжгло все живое с горных склонов. Ни дерева, ни травы, ни капли воды — таков был район поисков. День проходил за днем, а хризоколла и шеелит были неуловимы.

Как-то, возвращаясь из очередного маршрута в лагерь, Николай Алексеевич заметил на одной из пологих высот следы каких-то работ. Разведка, проведенная на этом месте, не дала положительных результатов. Оруденение на глубину осталось невыясненным. Вскоре вся эта история была забыта.

Но профессор Н. А. Смольянинов не мог успокоиться. Минерализация рудных жил, зарисовки которых изучал он, и вещественный состав привезенных образцов убеждали, что рудные тела распространяются на значительную глубину и по мере углубления они должны иметь богатое содержание. Смольянинов доказывал это, основываясь на знании законов кристаллизации остаточных газовых возгонов из магматического очага. Но вывод профессора требовал новой разведки.

Наступил 1941 год. Оборонной промышленности не хватало вольфрама. Смольянинов был уверен, что крупные запасы шеелита лежат в горах Тянь-Шаня.

Вскоре под его руководством была организована геолого-поисковая экспедиция. На этот раз разведочные работы на глубину подтвердили наличие в районе крупной вольфрамовой провинции. Так страна получила важнейшее и необходимейшее сырье.

Г. КУРОЧКИН,
геолог

Москва.

БЫСТРЕЕ МЫСЛИ

В прошлом году коллективом инженеров и математиков под руководством академика С. А. Лебедева сконструирована новая быстродействующая вычислительная машина М-20. Ее лаконичное название говорит о том, что она способна совершать двадцать тысяч операций в секунду! Она в три раза быстрее своей предшественницы БЭСМ, а по своим габаритам в несколько раз меньше ее.

Чтобы представить себе поистине фантастическую скорость нового электронного вычислителя, следует учесть, что результат, который человек может получить с помощью электрического арифмометра за 10 лет, работая по 24 часа в сутки, машина достигает за один час.

М. ЕФИМОВ,
научный сотрудник Института точной механики

«РАДМА»

Вы садитесь в зубоврачебное кресло. После бормашины и химической обработки врач включает маленькую шкатулку с проводами. Один провод, заканчивающийся иглой, подносит к дуплу, а снаружи, к щеке, прикладывает пластинку от второго провода. Проходит всего три минуты, и сеанс окончен. Закончено и лечение. Вам не говорят: «Зайдите завтра...» Зуб тут же пломбируется.

Сотни людей, побывавших за последние четыре года в стоматологических поликлиниках Тбилиси, испытали на себе действие генератора микромалой мощности, вырабатывающего токи ультравысокой частоты. Изобретатель и конструктор прибора инженер В. А. Николаев с врачом А. С. Менабде разработали методику его применения и для других целей.

У спортсменов, у работников балета случаются профессиональные травмы. «Радму» ряд лет в порядке эксперимента широко применяет в своей практике врач Грузинского института физкультуры В. П. Джавелидзе. Процедура проста, кратковременна и не вызывает неприятных ощущений.

Чудесный генератор можно увидеть в Тбилиси еще в одном месте — в консерватории. С помощью его вокалисты лечат и предупреждают насморки, ангины, трахеиты, особенно нежелательные для людей этой профессии.

Министерство здравоохранения республики направило несколько аппаратов «Радма» в лечебные учреждения для клинических испытаний.

В чем же новизна и ценность нового исцелителя? Ведь медицинские аппараты ультравысокой частоты известны давно. Но выходная мощность их составляет не менее 50 ватт. А мощность «Радмы» колеблется от 0,001 до 1 ватта. При такой микромалой мощности он способен оказывать хорошее лечебное действие.

Сейчас автор прибора создает дозатор к «Радме», который позволит контролировать и регулировать количество энергии, воздействующей на организм. В скором времени начнется серийное производство «Радмы».

Т. АМБАРОВА

Тбилиси.

В фониатрической лаборатории Тбилисской консерватории. Лечение «Радмой» ангины.

Фото Ф. Крымского.

Подснежники

Борис ЛАСКИН

Рисунки Л. Смехова.

Вечером, кончив смену, Прудников приехал в парк.

Подружки-мойщицы Вера Земцова и Надя Фомина принялись за работу. Отойдя в сторонку, Прудников с удовольствием глядел, как его голубая «Волга» вновь обретает влажный, зеркальный блеск.

— Как дела, Александр Иванович? — подчеркнуто вежливо спросила Надя и покосилась на напарницу.

— Все хорошо, Мойдодыр. Не жалуюсь.

Прозвище «Мойдодыр» досталось Наде за сноровку и умелые руки.

— Что дома? — спросила Надя и шепнула подружке: — Считай!

— Дома все в порядке,— ответил Прудников.— Вчера прихожу, жена говорит: «Пойдем в кино». Жена кино обожает. Раз у жены такое желание, как жене отказать? Пошли с женой в кино. Хорошая картина! Жене понравилась. И мне тоже...

— Шесть,— сказала Вера.

— Чего? — не понял Прудников.

— Шесть раз сказал «жена»,— улыбнулась Надя.

— Все шутите. Ничего, вот замуж выйдете, поймете, какая она, семейная жизнь! Вчера мне жена...

— Раз! — начала счет Вера.

Прудников помолчал.

— Ах, девочки, девочки!.. Смотрю я на вас — Вера есть, Надежда есть, а любовь где?

— Любовь с утра заступит, Александр Иванович. Она в первую смену работает.

Прудников посмотрел на девчат. Орудуют шлангами, и у обеих глаза смеются.

— Можете ехать, товарищ водитель. Машина блестит, как ваши глаза.

— Что?.. Спасибо, Мойдодыр. Спасибо, Верочка. Привет!..

Прудников вырулил на стоянку и, уже вылезая из машины, увидел у стекла за задним сиденьем букетик подснежников. Цветы лежали в конверте.

Прудников достал конверт. Он был не заклеен. На конверте было написано: «Елене Макаровой».

«Не иначе забыл кто-то из пассажиров,— подумал Прудников.— Интересно, кто именно?»

Весь день он колесил по Москве, дважды выезжал за город. В его машине перебывало столько людей, что всех и не вспомнишь. Он взглянул на адрес: «Проспект Мира». Сейчас ему ехать домой. Может быть, наклеить на конверт марку и бросить в ящик?.. А как же цветы?.. Цветы в ящик не бросишь.

«Завезу по дороге,— решил Прудников,— и письмо и цветы».

Сидя в троллейбусе и разглядывая конверт, Прудников размышлял: «Может, прочесть? Нет. Неудобно читать чужие письма! А вдруг в письме какие-нибудь недобрые вести, тогда зачем мне его лично вручать?.. Хотя нет, вроде непохоже. К письму цветы приложены. А-а, была не была, прочту, тем более, люди мне совершенно незнакомые».

Смущенно оглянувшись — как бы пассажиры троллейбуса не догадались, что он читает чужое письмо,— Прудников достал из конверта листочек, исписанный крупным мужским почерком.

«Леночка! Это послание вручит тебе мой друг. Мы здесь вместе работаем на Волге. Пролетом он будет день в Москве и обещал, что забежит к тебе передать привет и письменный и устный.

Ленка! К тому, что я писал, добавить нечего, тем более что меня торопят: машина уходит на аэродром. Здесь потрясающе интересно все: и дела и люди. А если ты увидишь Волгу рано утром в весенней дымке, ты поймешь, что нет лучше места на земле.

Я жду тебя. С работой все будет в порядке, я узнавал. Бери направление и лети ко мне. Только не вздумай ехать поездом. Лети!

Жду, люблю, целую, Сергей».

Прудников положил письмо в конверт. «Хорош друг, забыть такое письмо в такси! Но, с другой-то стороны, человек один день в Москве, да и то пролетом. Про цветы Сергей не пишет. Значит, друг-то его — приличный малый. Догадался: цветы купил. Сообразил, что к чему».

Троллейбус пересек Садовое кольцо. Прудников сидел у выходной двери и, глядя на водителя, снова подумал о том, насколько все-таки интересней работать в такси. В троллейбусе водитель один в кабине. Он сам по себе, а люди сами по себе. Сидит, крутит баранку и не слышит, о чем люди говорят, о чем мечтают. А в такси человек рядом. С ним и поговоришь и обменяешься мнениями, характер поймешь, душу человека. Одному посоветуешь, у другого сам ума наберешься. А как приятно возить пассажиров, которые впервые в Москве! Те просто как дети: ох-ах, ах-ох!

Прудников улыбался: вспоминал. Больше всего он любил стоянку возле загса. Там пассажиры особые. В минувшую субботу он вез молодоженов. Сперва они молчали, как завороженные. В зеркальце над ветровым стеклом он видел их счастливые лица. Потом они заговорили что-то совсем бестолковое:

— Вот, Петенька...

— Да, Ниночка...

— А заведующая какая симпатичная!

— Я как ее увидел — сразу влюбился.

— Влюбился? Смотри у меня!..

Прудников слушал веселую болтовню молодоженов и снисходительно улыбался. У него-то это уже все позади.

Когда машина Прудникова стояла у светофора, ее догнала другая «Волга». В ней из того же загса ехали дружки — свидетели бракосочетания. Поравнявшись с машиной молодоженов, они крикнули хором: «Горько!..» Прудников рванул машину вперед, и то, как целовались супруги, свидетелям увидеть не удалось. Это видел только Прудников.

Потом, когда они доехали до подъезда нового дома, его пригласили:

— Пошли, товарищ водитель!.. Отметим радостное событие. Чокнемся за здоровье молодых!

— Спасибо,— сказал Прудников,— один пойти не могу.

— Почему?

— Пригласите еще инспектора оруда. Для компании!..

...Прудников внимательно смотрел в окно: не проехать бы. У Капельского переулка он вышел из троллейбуса.

Поднявшись на пятый этаж, держа в вытянутой руке букетик подснежников, он нажал кнопку звонка.

Дверь отворила высокая светлоглазая девушка в пестром весеннем платьице.

— Добрый вечер. Если не ошибаюсь, Елена Макарова?

— Она самая,— приветливо сказала девушка. Незнакомый человек с букетиком в руке выглядел торжественно и весьма комично.

— Получите. От Сергея.

— Спасибо. Заходите, пожалуйста,— сказала девушка,— я вас давно жду...

— Меня?

— Вас, конечно. Два часа назад звонил Сергей.

— Откуда он звонил?

— Оттуда. От вас.

— От нас?.. Знаете что... Я очень тороплюсь.. Вот...— Он передал девушке цветы и письмо.

— Знаю, что вы торопитесь, но вы все-таки зайдите.

— Нет-нет, не могу.

— Ну, хорошо. — Девушка вышла на площадку и торопливо прочитала письмо.

— Я пошел,— сказал Прудников.— Извините.— Он чувствовал себя неловко.

— Погодите! Скажите хотя бы в двух словах, как там и что...

— Там все в полном порядке,— уверенно сказал Прудников,— дела идут полным ходом. Читайте газеты!

— Значит, на Волге работаете?

— На «Волге».

— Ну и как?

— Мне нравится.

— Ну, а как Сергей?

— Сергей?.. Сергей, он на меня произвел исключительно хорошее впечатление. Серьезный парень. В общем, я вам так скажу: вы долго не раздумывайте, собирайте вещички и летите туда. Не пожалеете.

— Вы думаете, что на строительстве ГЭС нужны педиатры?

Прудников слегка растерялся: «Что еще за педиатры?»

— Почему же вы молчите?

— Я вам просто скажу... Там большое строительство идет, работают бульдозеры, экскаваторы, так что, надо думать, и педиатры без дела стоять не будут...

Девушка улыбнулась.

— Ну ладно, я вас не буду задерживать. Я написала Сергею письмо.— Она убежала и тут же вернулась, неся в руке конверт.— Вот. Передайте ему...

Прудников посмотрел на конверт: «Слава богу, с адресом!»

— Будет сделано.

Он пожал руку девушке.

— Какое ваше решение? Приедете?

Девушка чуть помедлила с ответом.

— Скажите честно, он в самом деле скучает?

— Ночей не спит!.. Я так понимаю: любит он вас крепко и ждет. Вот так. Таким путем.

Он улыбнулся девушке и на прощание помахал ей рукой.

Выйдя на улицу, Прудников посмотрел на конверт. «С. Н. Воробьеву». Далее следовал адрес. «Значит, пока что он Воробьев, а она Макарова. Еще, выходит, не женаты. Ясно, понятно».

Дошагав до почты, Прудников купил конверт с маркой, листок бумаги и здесь же написал:

«Сергей! Задание выполнено. Все в порядке. Жди Елену Макарову. Скоро прилетит.

С приветом, Александр Прудников. Москва. 7-й таксомоторный парк».

Переписав адрес на конверт и вложив туда свою записку, Прудников бросил оба конверта в почтовый ящик и отправился домой.

Саша Прудников очень торопился. Его ждала жена.

— Который мой?

-- Все ваши!

Рисунок В. Каневского.

Первые шаги в смешное

Глядя на эти рисунки, невольно вспоминаешь, что в Китае когда-то существовал бог смеха и здоровья. Смех свойственен здоровым людям — такова народная мудрость. Авторов помещенных здесь карикатур сближает чувство смешного. Они все молоды: самому младшему недавно исполнилось восемнадцать, а старшему только-только «перевалило» за тридцать. Познакомьтесь с ними: Анатолий Сухов и Владимир Каневский работают грузчиками, Виктор Воеводин и Вадим Сигачев — архитекторы, Владимир Разумовский — преподаватель, Станислав Крылов — инженер, Владимир Кузнецов и Владилен Петров — студенты-полиграфисты, Анатолий Волков, Галина и Валентин Караваевы — художники студии «Мультфильм». Как видите, большинство здесь — не профессиональные художники. Однако в их рисунках уже явственно проступают разные манеры.

Мне очень приятно пожелать молодым юмористам хорошего творческого пути.

И. СЕМЕНОВ,
художественный редактор журнала «Крокодил»

Кибернетика в быту.

Папе...

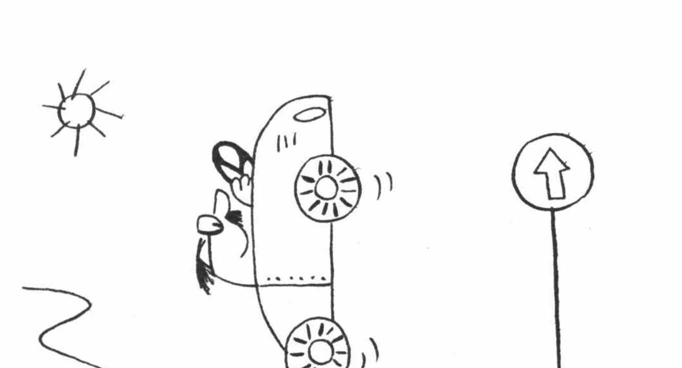
маме..

бабушке...

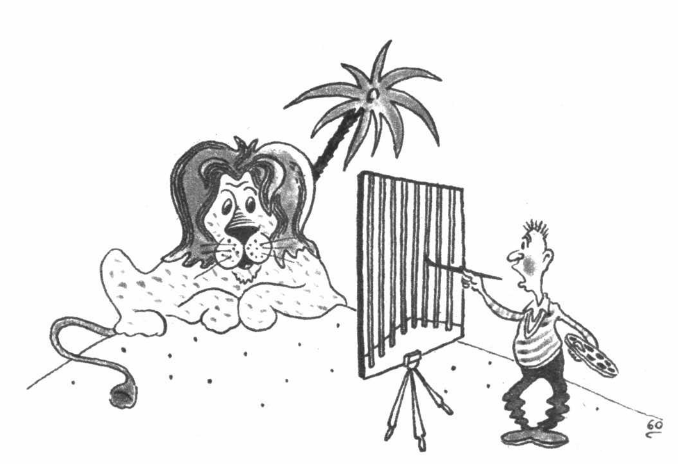

и внуку Пете.

Рисунок А. Сухова.

Стажер. **Рисунок С. Крылова.**

Анималист. **Рисунок А. Волкова.**

Дама с собачкой. **Рисунок В. Петрова.**

Расцвела сирень-черемуха в саду...

На мое несчастье, на мою беду...
Рисунок В. Кузнецова.

Носильщик!

Рисунок Г. и В. Караваевых.

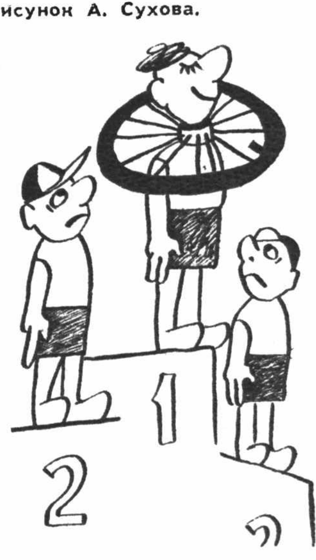
— Как только я соберусь хорошенько подумать, он выключает электропитание.
Рисунок В. Воеводина.

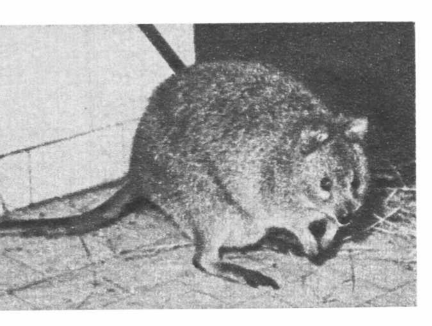

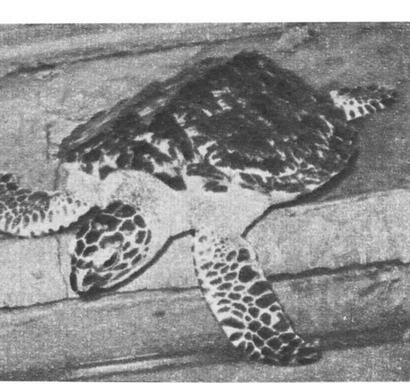
Красная Шапочка-бюрократка:
— Нет, ты мне сначала предъяви справку, что ты Серый Волк.
Рисунок В. Разумовского.

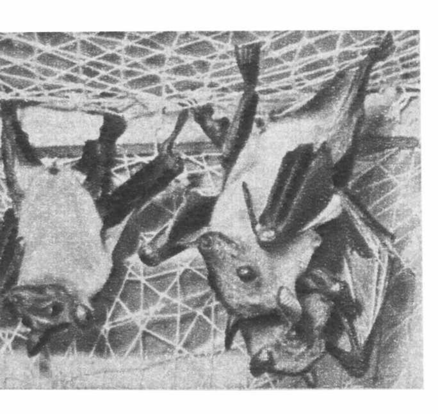

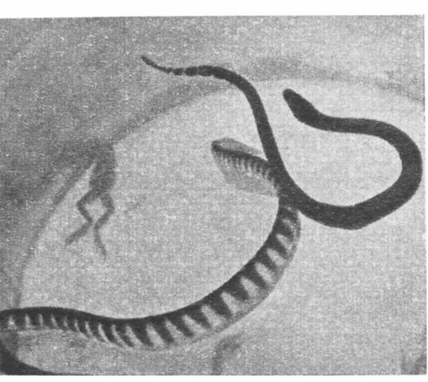

Победителю велогонок — вместо лаврового венка.
Рисунок В. Сигачева.

ПОДАРКИ «ВИТЯЗЯ»

Директор Московского зоопарка
И. СОСНОВСКИЙ

Фото Ан. Анжанова.

В Одесский порт прибыл экспедиционный корабль Академии наук СССР «Витязь». Среди встречающих был и представитель нашего Московского зоопарка. Он приехал, чтобы принять в подарок от команды и научных сотрудников корабля редкостных животных, обитающих в странах Южной Азии и в Австралии. С корабля — на самолет, потом в автобус, и вот заморские диковинки уже у нас. С любопытством рассматриваем их. Таких у нас не было очень давно, а некоторых из них посетители увидят впервые.

В просторной клетке сидит валлаби. Туловище покрыто густой серой шерстью, длинный хвост, голова с торчащими ушками... и вдруг под ней — вторая, поменьше. Чудно? Нет, все естественно. Перед нами самка, в сумке которой, в кожной складке, сидит ее детеныш.

Валлаби относится к сумчатым животным, обитающим в Австралии. Своих детенышей они рождают совсем крошечными, размером с семя боба. Такого малыша самка бережно укладывает в сумку, где он и продолжает свое развитие в течение нескольких месяцев, питаясь молоком матери. Когда подрастет, станет высовываться из необычной колыбели. А настанет время — прыг, и на землю. Побегает, побегает и обратно в укрытие нырнет. Вот уже сумка не вмещает его, и он остается на земле, но еще долго держится около матери...

Следующий гость помещался в большом бельевом баке, в который была налита морская вода. Бак пришлось покупать в одном из одесских магазинов. Кто же в нем? Морская черепаха. Панцирь ее по форме похож на рыцарский щит, окраска его пестрая. Лапы у черепахи как весла, с их помощью она отлично плавает и ныряет.

Известно несколько видов морских черепах, но в наших морях они не водятся и лишь несколько раз случайно заплывали к берегам Дальнего Востока. Некоторые морские черепахи — вегетарианцы, питаются водорослями, некоторые — хищники, они ловят рыбу, рачков, моллюсков и других морских животных.

Пересадив морскую черепаху в большой водоем, мы поспешили осмотреть других новоселов. В ящике, верх которого был затянут куском рыболовной сети, мы сначала ничего не обнаружили, кроме косточек от чернослива и урюка. Потом заметили, как чьи-то маленькие, но цепкие пальчики с коготками обхватывают сетку. Оказалось, в ящике крыланы (летучие лисицы, или, как их еще называют, летучие собаки) из Индии. Они очень забавны и напоминают летучих мышей. Передние конечности крыланов — подобие крыльев, но вместо перьев у них кожистые перепонки, которые легко держат зверьков в воздухе и позволяют им хорошо летать. Длина туловища крыланов — до сорока сантиметров, а размах крыльев — больше метра. Обычно они висят на сучках деревьев, ухватившись задними лапками за ветки. Так же висели крыланы и в ящике. Когда мы им предложили яблоки, они охотно брали их зубами прямо из наших рук и тут же поедали, не меняя положения.

Осталось осмотреть два бидона. На них была предупредительная надпись: «Внимание, опасно — пеламиды и плоскохвосты». Осторожно развязали марлю, которая заменяла крышки, и увидели морских ядовитых змей. Пеламиды и плоскохвосты не превышают в длину одного метра. Живут они в Индийском океане и в тропической части Тихого океана. Питаются змеи разнообразной животной пищей: рыбой, рачками, моллюсками, червями. Пеламида сверху окрашена в угольно-черный цвет, снизу — в желтый, хвост у нее плоский и пестрый. При плавании хвост служит змее как весло и одновременно — как руль. Плоскохвост окрашен ярче, по всему туловищу хорошо заметны поперечные темные кольца. Змеи ведут себя спокойно, целые дни плавают в сосуде с искусственной морской водой. Одну из них мы даже взвесили — 140 граммов, осмотрели пасть: зубов много, они острые и загнуты назад.

Коллектив зоопарка благодарит за подарок друзей с «Витязя».

В поисках портретного сходства.

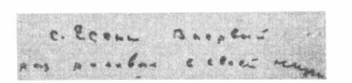
Рисунок Э. Змойро.

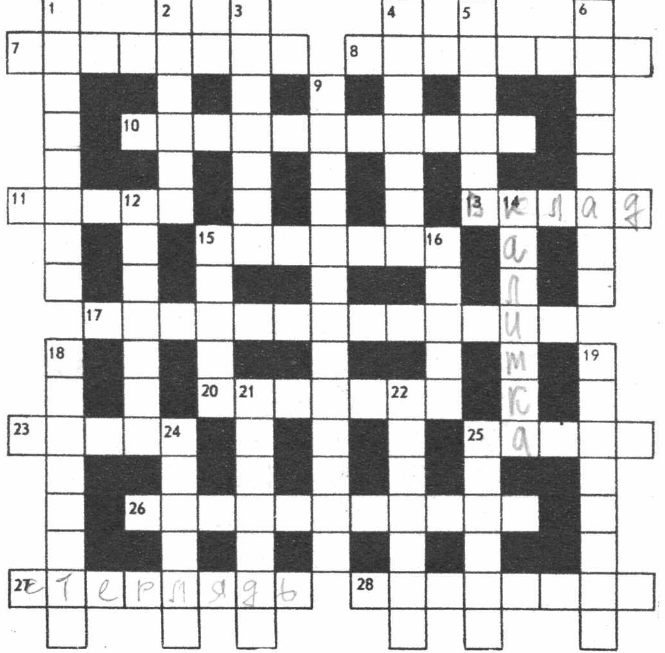
Рисунок Сергея Есенина

На листке из ученической тетради рисунок карандашом — портрет неизвестного. Интересна подпись: «С. Есенин. В первый раз рисовал в своей жизни».

В. ЗЕМСКОВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Автор «Патетической оратории». 8. Ягода. 10. Птица с ярким оперением. 11. Северо-западный ветер на Байкале. 13. Хранение денежных сбережений. 15. Старая мера объема. 17. Агротехнический прием. 20. Приток Куры. 23. Рассказ А. П. Чехова. 25. Зимняя одежда народов Севера. 26. Измерительный инструмент. 27. Осетровая рыба. 28. Окончание шахматной партии.

По вертикали:

1. Часть круга. 2. Движение мышц лица. 3. Декоративное растение семейства лютиковых. 4. Южная точка полуострова Индостана. 5. Советский поэт. 6. Аппарат для дыхания под водой. 9. Химический процесс, с помощью которого получают синтетические вещества. 12. Танец. 14. Дверь в ограде, воротах. 15. Лиственное дерево или кустарник. 16. Венгерский поэт XIX века. 18. Город на острове Ява. 19. Вспомогательная астрономическая труба. 21. Метеорный поток. 22. Советский историк, академик. 24. Морское беспозвоночное животное. 25. Государство в Европе.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 21

По горизонтали:

1. Машук. 3. «Коновалов». 5. Спартакиада. 8. Крона. 9. Лиана. 11. Малка. 15. Берет. 16. Ставангер. 17. Кисея. 19. Бразилия. 20. Косеканс. 22. Канна. 23. Индокитай. 24. Диета. 25. Выкса. 27. «Варяг». 29. Штифт. 30. Последовие. 31. Секретарь. 32. Ягода.

По вертикали:

1. Минерал. 2. Колхида 3. Копра. 4. «Вадим». 6 Контрамарка. 7. Александрит. 8. Карабанов. 10. Арат 12. Ассистент. 13. Штольня 14. Ферсман. 15. Бивак. 18 Япура. 21. Икар. 26. Анонс 27. Великая. 28. Громада. 29 Штиль.

После выступления «Огонька»

«ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С БОКСОМ?»

Этот вопрос задал «Огонек» в 12-м номере. В статье М. Александрова критиковалась слабая техника боксеров, недостатки в преподавании бокса. Выступления журнала «Огонек» и газеты «Советский спорт» разбирались на расширенном заседании президиума федерации бокса СССР совместно с активом секции бокса Москвы. Ответственный секретарь федерации А. Тимошин сообщает: «В своей работе президиум федерации будет стремиться к исправлению указанных недостатков».

На первой странице обложки: ВАНЮША.

Фото Риммы Лихач.

На последней странице обложки: ОПАСНАЯ ПЕРЕПРАВА.

Фото Л. Бородулина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Н. И. ДРАЧИНСКИЙ, Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. **Рукописи не возвращаются.** **Оформление В. Епанешникова**

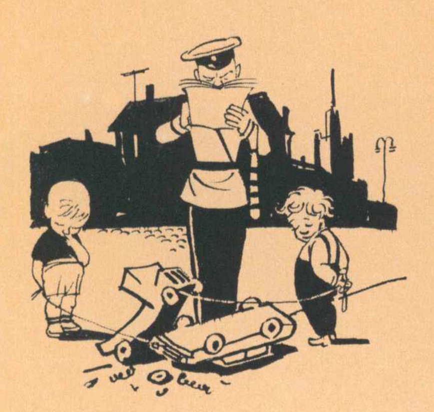
Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05642. Подписано к печати 25/V 1960 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 700 000. Изд. № 612. Заказ № 1424.

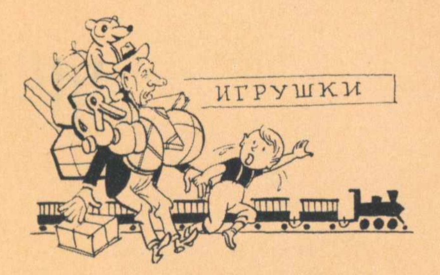
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

ТОЛЬКО ДЕТИ

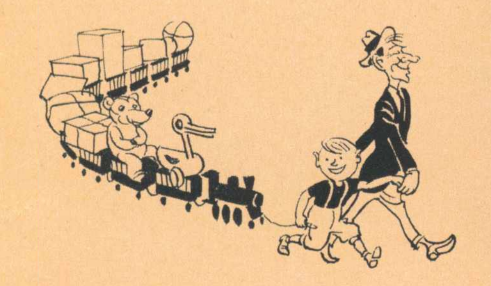
Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Авария.

Нашел выход.

На очередное занятие.

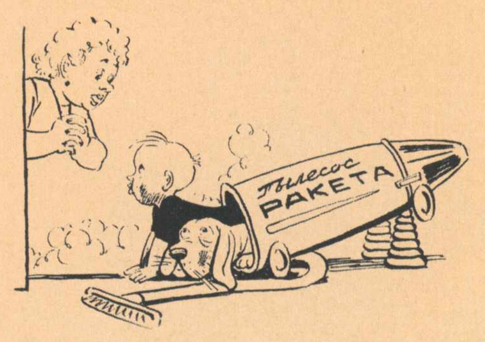
НА КАЧЕЛЯХ. **Фото В. Генде-Роте.**

Лодочка на буксире.

Проверка.

Опять ты собрался в путешествие?!

Цена номера 3 руб.